

С. И. ГОЛЬДФАРБ

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
В ДЕБРЯХ
ЗОЛОТОЙ
ТАЙГИ**

Тропою храбрых

Станислав Гольдфарб

**Приключения в
дебрях Золотой тайги**

Издательство "Руда"

2020

УДК 82.31
ББК 84(2Рос=Рус)6

Гольдфарб С. И.

Приключения в дебрях Золотой тайги / С. И. Гольдфарб —
Издательство "Руда", 2020 — (Тропой храбрых)

ISBN 978-5-9073552-0-0

Золотой тайгой называли старатели и золотопромышленники Ангаро-Енисейскую землю – здесь добывали золото. В основе повествования лежит рискованное путешествие крестьянина Катаева в поисках Золотой тайги к загадочной и таинственной реке Подкаменной Тунгуске. На пути Катаева, американского спортсмена Черчилля, первого иркутского автомобилиста Яковлева и их друзей ожидают опасные приключения. Читатель узнает о первопроходцах и исследователях Карского моря, великой Лены-реки, вслед за путешественниками проплывет по Ангаре и Енисею. Многочисленные документы об освоении северных рек дополняют эту историю. В повествовании многое реально, но без выдумки, не обошлось. Хотя и она основана на достоверных фактах. Для широкого круга читателей.

УДК 82.31
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-9073552-0-0

© Гольдфарб С. И., 2020
© Издательство "Руда", 2020

Содержание

Вступление	6
Глава первая	9
Историческое отступление	15
Глава вторая	16
Историческое отступление	24
Глава третья	26
Историческое отступление	35
Глава четвертая	38
Историческое отступление	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Станислав Гольдфарб Приключения в дебрях Золотой тайги

Иллюстрации
Даниил Селевёрстов

© С. И. Гольдфарб, текст, 2020

© Издательство «Руда», 2021

© Д. С. Селевёрстов, иллюстрации, 2021

Вступление

Перед нами карта Сибири. Взгляните на её восточную часть. Видите удивительное море-озеро Байкал? Отсюда начинается свой путь великая Ангара. Вначале река спокойно бежит по равнине, затем пробивается через таёжные скальники, петляет, образует опасные пороги, скачет по шиверам у Братского острога и, наконец, преодолев, долгий путь, вливается в могучий, полноводный Енисей. Он голубой лентой устремляется на север, к ледовитым морям, где над бескрайними снежными полями дуют арктические ветра и царствует полярная ночь.

Под стать Енисею и его притоки: Нижняя и Средняя Тунгуски. Последнюю чаще называют Подкаменной, потому что река пробила себе дорогу у подножия каменных утёсов. Выше устья Средней Тунгуски, на Енисее, есть Осиновский порог, образованный двумя каменными грядами. В старину этот порог звали Камнем. Всё, что было ниже порога, считалось «под Камнем». Вот и Тунгуска, бегущая среди камней, стала Подкаменной.

Подкаменная Тунгуска – река большая, длина её 1570 километров. Но долгие годы она считалась несудоходной. Многочисленные шиверы, пороги и перекаты, лёд, который сковывал реку почти 200 дней в году, были тому причиной. И всё же ошибется тот, кто решит, будто в этих суровых краях жизнь бедна событиями. Как бы не так! У этих земель и у этой реки своя большая история.

Когда Сибирь вошла в состав Московского государства, на Подкаменную пришли русские землепроходцы. В летописных сочинениях подробно изложено всё, что происходило с ними по пути к этой северной реке.

«...А от Турухану до Инбацкого зимовья ходу неделя; а от Инбацкого зимовья до Подкаменной Тунгузки реки ходу шесть дней. А ходят из Мангазеи со всякими служилыми людьми, как их посылают для государевых дел, до Подкаменной Тунгузки-реки нартами на собаках русские люди; а дичи в те подводы собирают с торговых и с промышленных людей. А от Подкаменные Тунгузки-реки до Енисейского острогу ходу три недели, а, ходят государевы ясачные остяки нартами ж на собаках».

Этой записке более трёх столетий.

«Наказные памяти» воеводского управления поручали служилым людям идти на «заставу» к устью Подкаменной «для дозора за проезжими промышленными и другими людьми». Охранять было что. Недаром местность, по которой бежала река, звалась Золотой Тайгой. Что раньше, что сейчас богатства тайги схожи: пушной зверь, строевой лес, золотые россыпи, а в таёжных реках – рыба. И нет ничего удивительного в том, что сюда всякий люд стремился: учёные и путешественники, купцы и промышленники, старатели, искатели приключений, авантюристы.

Богатства Золотой Тайги прельщали, конечно, и тех, кто ни во что не ставил человеческую жизнь, – всякого рода разбойников.

Тайга вокруг Тунгуски неохотно открывалась человеку. Побывал на Подкаменной Тунгуске и академик Мессершмитт, исколесивший в поисках удивительного всю Сибирь. Он положил начало геологическим и ботаническим исследованиям Золотой Тайги. Он установил, что почва здесь ниже двух футов – жёсткая и мёрзлая, скованная вечной мерзлотой.

Через 200 лет после путешествия Мессершмитта в этих краях работал топограф Генерального штаба Скрябин. Все материалы его исследований исчезли

бесследно! Попытку раскрыть тайны Золотой Тайги в 1877 году предпринял горный инженер Лопатин, но суровые условия помешали его экспедиции пройти весь маршрут.

Несколько путешествий совершили сибирские купцы. Они заволновались, когда стало известно, что Транссибирская магистраль минует такие крупные сибирские города, как Енисейск, Тобольск и Томск. Один за другим стали возникать проекты устройства водного канала,

который бы соединил все реки огромного края в единую систему. Так появился Обь-Енисейский канал.

Строили его, главным образом, за счёт казны, но и купцы не остались в стороне. Долгое время Обь-Енисейский канал использовался как удобный и безопасный путь транспортировки товаров в Золотую Тайгу, но все же самым выгодным был путь по Подкаменной Тунгуске. Самым выгодным, но и самым рискованным. Была организована экспедиция купца Зайцева, а следом — Фунтосова, предприимчивого енисейского торговца. От устья реки он поднялся вверх по течению на 300 километров. Дальше пройти не смог, помешали пороги и страх неизвестности.

Среди исследователей встречались и простые люди, которые отправлялись в неизведанные уголки из страсти к познанию. Они называли себя потомками первых сибирских землепроходцев. Одним из таких подвижников был крестьянин Николай Миронович Катаев. В старой сибирской газете встретила небольшая заметка: *«Обращаем внимание на рассказ об экспедиции в верховья Подкаменной Тунгуски, в которой принимал участие отважный крестьянин Катаев с семьей и рабочими. Катаев был заинтересован научными и торговыми целями. Во всяком случае, этот геройский подвиг и самопожертвование заслуживает внимания и памяти».*

«Заветная мечта его, – писала в 1888 году газета «Восточное обозрение, – по возвращении с верховьев Подкаменной Тунгуски отправиться на Хатангу и попытаться там устроить торговлю 13 инородцев с русскими на других началах, более выгодных для инородцев, чем существуют в данное время...»

...Следует сказать несколько слов о путешествии Н.М. Катаева по Подкаменной Тунгуске. Известный путешественник Чекановский возвращался из Туруханского края на пароходе, на котором Катаев был приказчиком. Любопытный Катаев заинтересовался рассказами Чекановского о Подкаменной Тунгуске и о том, что там, как предполагал Чекановский, должны быть залежи мамонтовых костей. Зимой того же года Катаев, получив расчёт, по Ангаре приехал в Нижнеудинск и отсюда сухопутно добрался на Подкаменную Тунгуску. Соорудил здесь лодку, нанял рабочих и отправился по течению Тунгуски в поисках мамонтовых костей...»

Как и сибирский мореход Григорий Шелихов в своё время, Катаев взял с собой семью. А ведь путешествие было очень опасным, сведений о Подкаменной Тунгуске не хватало, точная карта местности отсутствовала, неизученной оставалась и сама река. Точно неизвестно, что заставило Катаева отправиться в путешествие, полное опасности и приключений, да ещё с семейством, но можно смело утверждать, что не последнюю роль сыграла здесь всё та же неодолимая жажда первооткрывательства.

Давайте и мы, призвав на помощь факты, последуем за нашим воображением. Немного фантазии – и сможем составить истинную картину событий конца XIX века...

Да, чуть не забыл: мы отправляемся в путешествие не одни. Позвольте представить моих старых знакомых.

Этот высокий мужчина – американский спортсмен Фрэнк Черчилль, он уже бывал в Сибири и даже участвовал в спортивных состязаниях. А вот первый автомобилист Иркутска господин Яковлев, очень целеустремленный и любознательный человек. А вот эта красивая, отменного воспитания молодая иностранка Элен Гладсон не так давно получила огромное состояние. Не правда ли, приятная компания для дальнего и опасного путешествия?! С остальными участниками познакомимся чуть позже.

Для пущей пользы нашего путешествия также берёмся изложить вам, дорогой читатель, документальную историю этих краев, посвятить в тайны прошлого, припудрить нос особо любознательных волшебной архивной пылью. Если вы только знали бы, какое это потрясающее занятие – открыть газету столетней давности, или расшифровать полуистлевшую записку

какого-нибудь первопроходца, давно ушедшего в мир иной, или заглянуть в мемуары знаменитого путешественника и прочесть там...

Итак, вы готовы?

Глава первая

Гость из Голландии

«В 1525 году отец Ивана Грозного великий князь Московский Василий Иванович (Василий III) отправил в Рим к папе Клименту VII посланником Дмитрия Герасимова, где тот познакомил изумлённую Европу с удивительно смелым и необычным проектом Северного морского пути в страну «Катай». Это сообщение послужило толчком к тому, что к сибирским берегам стали посылать экспедиции».

Эрих Рактвиц. «Чужеземные тропы, незнакомые моря».

«1594 год. Открытие английским мореплавателем Чеслером морского пути в Белое море вызвало у английских купцов и мореплавателей стремление проникнуть вдоль северных берегов Сибири в Китай и Индию. Но все попытки Пета и Джакмана окончились без результатов, и англичане оставили свою мореходную деятельность по открытию северо-восточного морского пути. На смену им выступили голландцы».

«Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии».

«Ведя торговлю с Россией, голландские купцы лично или через своих служащих тщательно собирали сведения о плаваниях русских промышленников по Карскому морю к устью Оби и другим рекам в ту часть Сибири, которую европейцы именовали Татарией. В 1593 году купец Балтазар Мушерон, имевший торговые дела в Московском государстве, представил нидерландскому правительству проект большой экспедиции «для открытия удобного морского пути в царство Китайское, проходящего от Норвегии, Московии и Татарии».

Проект был утверждён. Первоначально в состав экспедиции входили два корабля: «Меркурий» под начальством Бранта Татгалеса и «Лебедь» под командованием Корнелия Ная. Позже были снаряжены ещё два судна, которыми командовал Виллем Баренц, интересовавшийся вопросом открытия северо-восточного прохода. Он предпринял три плавания для его поисков, но всякий раз льды Карского моря останавливали его суда».

В. М. Пасецкий. «Норденшельд».

Если разобраться, то вечный двигатель существует. Изобрел его, разумеется, не человек, ведь самого себя придумать невозможно. Вечный двигатель явил Создатель в облике человека, который с тех пор работает без остановки. Суть этой работы – движение к истине. Истина, если она открывается, превращается в добро. Так образуется круг. Жаль, что на это порой не хватает жизни, но в контексте вечного движения частная человеческая жизнь – это всего лишь мгновение. Мы все как будто бежим эстафету или лезем на горную вершину: ты берёшь одну высоту, другой подступает к следующей, третий забирается ещё выше, четвёртый, пятый...

Думаете, не очень весёлое начало для занимательного приключения? Но мы обязаны предварить наше путешествие серьёзным вступлением, ибо в любом путешествии сталкиваемся с обстоятельствами, которые бывают сильнее или слабее нас. Выйдем мы победителями или они положат нас на лопатки? Как бы то ни было, но к любым обстоятельствам следует относиться без отчаяния. Они всего лишь препятствия, преодолевая которые, мы становимся

крепче и мудрее. Из них, конечно, соткано полотно нашего жизненного пути, но разве жизнь не есть испытание?

Жизнь выстраивается сообразно нашим поступкам, в которых, если присмотреться, нет ничего случайного или пустого. По большому счёту всё выходит так, как мы задумали, как решили, сложили и склеили. И я не знаю, когда мы успели убедить себя, что от нас в этой жизни ничего не зависит?

Легко быть фаталистом. Гораздо сложнее не поддаваться даже неизбежному и, собравшись духом, бороться. Помните, что советуют нам мудрецы и герои? Вперёд, только вперёд!

* * *

По тихой улочке одного из прекрасных южных городов России шёл молодой человек. Ясный, но грустный его взгляд скользил по случайным прохожим, по живописным выставкам ларьков и магазинчиков, из которых эта улочка и состояла.

Взгляд ни на чём не останавливался, молодой человек как будто ничего не замечал.

Было около восьми часов, но солнце, казалось, уже вытесняет морскую утреннюю свежесть с улиц, загоняя её в каменные дома и тенистые подворотни. По булыжной мостовой изредка проезжали пролётки и экипажи. От грохота дребезжали стёкла нижних этажей, собаки за заборами заливались лаем. Шарманщик настраивал свой инструмент, а из переулка слышался скрипучий, но будто приглушённый, не проснувшийся голос старьёвщика:

– Старые вещи, покупаем старые вещи!

На углу перекрёстка разложила цветочный товар девочка лет тринадцати. Ещё некому было обращать внимание на её полевые цветы, да и сама она на время забыла о них, глаза на витрину галантереи. Что за чудесные вещицы выставлены в этой витрине!

Молодой человек, проходя мимо цветочницы, машинально вытащил из кармана монетку. Девочка, заметив движение, оторвалась от приятного созерцания и потянулась за букетиком. Она взяла монетку и хотела отдать пёстрый букетик, но прохожий цветов брать не стал. Лицо его на мгновение оживилось растерянной и печальной усмешкой. Вид молодого человека – от блуждающего, отрешённого взгляда до некоторой небрежности в одежде – заставлял предположить о неких у него неприятностях. И проницательной маленькой цветочнице, которая сразу заметила это, не откажешь в наблюдательности.

Действительно, только что наш герой на долгое время расстался с Сонечкой, самым дорогим и любимым человеком на этом свете. Прощание было бурным: с обоюдными слезами и клятвами в любви и верности. И вот теперь, в одиночестве блуждая по улицам, он пытался вновь и вновь вернуться воспоминаниями в те счастливые дни, когда ни о какой разлуке они и думать не могли. Заблудившись в воспоминаниях, вообразив на мгновение, что идёт на встречу с любимой, молодой человек оказался рядом с галантерейной витриной. Здесь он всегда покупал букетик для Сонечки. Ещё какой-нибудь месяц назад всё казалось радостным и безоблачным. Они строили планы, наметили день помолвки, договаривались о венчании.

Оба были одиноки до той новогодней встречи, когда произошло их знакомство на балу у господина Трапани. Молодые люди, с детства привыкшие рассчитывать только на себя, плохо знали, что такое семейный уют, потому что остались без родителей ещё в нежном возрасте, когда самое страшное горе, воспринимается так же, как плохое настроение няни.

Соню воспитывала дальняя родственница, помещица маленького именища где-то в Средней России, всю жизнь мечтавшая о высшем обществе и балах. Взяв Соню на воспитание, вскоре она переселилась в большой дом своих родителей и, предавшись светским утехам, напрочь забыла о девочке. Воспитанием законной наследницы занималась Серафима, прислуга новой барыни. Однако отдадим помещице должное: однажды всё же вспомнила о воспитан-

нице и отдала подрастающего ребёнка в хороший пансион, откуда выпускали гувернанток для работы в богатых домах. Так однажды Соня и оказалась в доме Трапани.

Нечто подобное случилось и с Григорием – тем самым молодым человеком, которого мы встретили на улице. Его судьба немногим отличалась от Сонечиной, с тем только различием, что он по окончании учёбы стал торговым агентом у того же Трапани.

Встретились они, полюбили друг друга и обрели, наконец, счастье. Но судьбе было угодно преподнести новое испытание. Последнее ли? Досадуя на несправедливую судьбу, Григорий дошёл до набережной. Купил утреннюю газету, сел на лавочку и стал перелистывать страницы, чтобы хоть как-то отвлечься от грустных дум. Привычные сообщения светской хроники ничем не привлекли внимания, да и дневная хроника была обычной...

«Главный морской штаб объявил руководству, чтобы наградные чарки водки, даваемые на судах офицерами нижним чинам, ни в коем случае не отпускались натурой, а только деньгами».

«Чрезвычайное бессарабское губернское земское собрание отклонило ходатайство Кишиневского уездного земства о введении всеобщего обучения в уезде».

«В Царском селе в Высочайшем Государя Императора присутствии состоялся церковный парад лейб-гвардии конного полка».

«Морской министр приказал провести строгое расследование по поводу появившегося в газетах сообщения о провозе одним из офицеров по железной дороге под видом казенного груза собственных вещей»...

А это что? Что это?! Боже мой, это оно! Григорий преобразился, теперь уже не усмешка, а радостная улыбка оживила его лицо.

– Это настоящая находка! Виват, Сибирь! С таким предложением не грешно даже в обеденное время побеспокоить и Трапани. Всё получится! Ура!

Он аккуратно свернул газету и быстрым шагом направился в центр города, в контору Трапани. На замысловатой вывеске большого каменного особняка, который одновременно служил конторой и домом главы компании, можно было прочесть:

«ФИРМА ОСНОВАНА В 1880 ГОДУ
ТОРГОВЫЙ ДОМ А. А. ТРАПАНИ – ОДЕССА
Прямое пароходное сообщение между Одессой, Ростовом, Батумом,
Ригою, Санкт-Петербургом и Владивостоком
ТРАНСПОРТИРОВАНИЕ
Морское, речное, сухопутное и от огня страхование. Представительство,
комиссия, инкассо, покупка.
Продажа и отправка во все части света всякого рода товаров.
Агенты во всех главных городах».

Пока молодой человек ожидает, когда его примет господин Трапани, у нас есть время ввести читателя в курс тех событий, которые произошли несколько дней назад и так круто изменили судьбу Григория и Сони.

...Фирма, в которой служил Григорий, была одной из крупнейших транспортных компаний России.

Начав с небольших транзитных перевозок, предприимчивый Трапани и его компаньоны вскоре построили собственный флот, а через некоторое время имели уже монополию на многих южных и северных линиях, предлагая клиентам самые разные услуги. Григорий Сидоров служил в фирме одним из пяти главных агентов. И в свои 25 весьма преуспел по службе, в его ведении было самое трудное и прибыльное направление – северное. Трапани всецело был доволен молодым агентом.

Как-то утром Григорий находился в порту, проверяя груз на корабле, отбывающем во Владивосток. Он занимался осмотром трюмов, когда прибыл посыльный и передал требование Трапани срочно явиться в контору.

Ещё издали Григорий заметил долговязую фигуру личного секретаря хозяина. Секретарь засеменил навстречу и затараторил:

– Наконец-то, наконец-то. Ждём-с. Теперь, Гришенька, всё от тебя зависит. Да-с, ты у нас главный эксперт. Твоё, Гришенька, слово на вес золота. Боже праведный, спаси и помилуй. Да-с! Лучший контракт! Лучший контракт за многие годы! И без всякой борьбы, без подкупов и взяток. Сам приплыл, откуда и не ждали-с. Из самой Голландии, Гришенька, из Амстердама. Такие выгоды, такие коммиссионные! Торопись Гришенька, торопись. Они ждать не любят-с.

– Что случилось, что за спешка, Семён Ильич?

– Бог с тобой Гриша! Кто же меня уполномочил! Хозяин сам всё расскажет. Давай, давай, поспешим-с. Не искушай судьбу!

Трапани сидел за столом и курил. Увидев Григория, тут же встал и жестом пригласил к огромной карте, занимавшей целиком одну из стен просторного кабинета.

Красные линии на ней обозначали уже освоенные морские пути. И вот теперь, стоя у карты, Григорий с нескрываемым удивлением смотрел, как Трапани красным мелом нарисовал жирную точку в Голландии и провёл линию куда-то на восток, в самую глубину карты.

Григорий рассмотрел Сибирь. Пригляделся и в изогнутой голубой дужке узнал Байкал. Трапани поставил ещё одну точку – Иркутск... Почему Иркутск? Взглянув на Григория, Трапани вдруг громко и резко захохотал. И от неожиданности молодой агент отшатнулся от карты.

– В недоумении, Григорий Матвеевич? Вижу, вижу! А что? Есть от чего впасть в недоумение! Вот эта новая линия, – Трапани вновь провёл по ней мелком, – путь, который предстоит освоить в самое кратчайшее время. Ждешь объяснений? Изволь. Сегодня у меня был Ван дер Люббе, поверенный национального банка Нидерландского королевства. Сибирские купцы заказали у голландцев большую партию оборудования для своих приисков на Лене. Заметь,

контракт на несколько лет! Банки финансировали заводы, которые взялись изготовить приисковые машины, но возникла проблема доставки. Голландцы – знатные мореходы, северо-восточный морской путь им знаком, но вышла загвоздка: купцы просят машины доставить на прииски, а это значит, что плавание предстоит по сибирским рекам. Оно не менее опасное и продолжительное, чем по Карскому морю. Откуда им, голландцам, наши сибирские реки знать!

Григорий начинал понимать, к чему клонит Трапани. А тот провёл ещё одну черту, теперь уже от Иркутска на север. Григорий прочёл: Золотая Тайга. А над голубыми ленточками, разбежавшимися по бумажному глянцу, – Енисей, Ангара, Нижняя и Подкаменная Тунгуски.

– Здесь, в устье Енисея, продолжал Трапани, – мы должны принять груз и выйти с ним к золотым приискам в Енисейской тайге. К Нижней и Подкаменной Тунгускам, а затем к Лене и Витиму. И вот что я скажу вам, Григорий Матвеевич. Путешествие, которое предстоит вам предпринять, задача, конечно, не из лёгких. Но вы самый молодой и перспективный агент нашей фирмы. У вас нет ни семьи, ни детей, значит, вы можете рисковать. И потом, северное направление ведь ваша вотчина?

– Но...

– Мне также хорошо известны причины, по которым вы предпочли бы отложить отъезд или вовсе отказаться от миссии. Но интересы дела и вашей карьеры, Григорий, требуют незамедлительных действий. У нас слишком мало времени. Нам нужны точные карты, промеры глубин и описание фарватеров, любые сведения о сибирских пароходных компаниях, контракты на поставку провианта, надёжные люди. Словом, всё, что может понадобиться для доставки груза с долей риска. Слышите? С долей, но не более! Только последний болван может думать, что риска удастся избежать. Мы должны хорошо знать, за каким поворотом команде следует готовиться к авралу. А Ван дер Люббе желает быть уверенным, что рискует не больше, чем при езде на лошади. Тряско, но не валко! Итак, давайте план, Григорий Матвеевич! Предложите идею, убедите меня в ней – и ваше будущее в этой компании обеспечено! Даю два дня! Идите, и да сопутствуют нам всем удача и провидение...

«Ну что ж, Иркутск так Иркутск», – думал Григорий, выходя из кабинета Трапани. – Дело займёт не больше четырех-пяти месяцев, которые пролетят незаметно, и больше никогда в жизни они не будут разлучаться с Соней. Ах, Соня, какая ты умница! Всё поймешь без лишних слов»...

Новое задание фирмы изменило течение жизни Григория, разрушило их с Соней ближайшие планы. Прошли отпущенные два дня, а идея, которую требовал Трапани, всё не рождалась. Сегодня было назначено явиться в контору.

И вдруг, как это подчас случается, идея появилась совершенно неожиданно. Как раз в тот момент, когда Григорий листал газету и, будучи огорчен разлукой с любимой, не думал ни о чём другом, его осенило! Он поспешил в офис компании, чтобы изложить свой план Трапани.

– Григорий Матвеевич, господин Трапани просят-с. Пожалуйста в кабинет, – пригласил секретарь и, оглядевшись, шепнул: – Гришенька, у него сегодня скверное настроение, вчера в театре был. Ты уж будь помягче. Ну, ступай, с Богом!

Настроение у хозяина кабинета было действительно скверным. И такой расторопный и внимательный агент, каким слыл Сидоров, не мог не знать причины этого.

Накануне мадам Трапани, завзятая театралка, смогла-таки вытащить супруга в оперу. Это означало, что вчера, в пятницу, не состоялась встреча главных компаньонов фирмы за традиционным пятничным преферансом. Сам Трапани никогда не отдавался бы игре с такой страстью, если не считал бы подобное времяпрепровождение идеальным для обсуждения и решения важных задач бизнеса. Между раздачей карт и свежим анекдотом, между растерянным причитанием проигравшего и счастливым смехом победителя, во время раздачи, да и просто в перерыве между распасами за кофе или чаем, Трапани успевал узнать мнение каждого компаньона, сравнить с собственным и по окончании вечера объявить решение. Оно обычно устра-

ивало всех и принималось без возражений. Это исключало малейшее недовольство, упрёки и недоверие между партнёрами.

Трапани сидел за огромным письменным столом. Когда вошёл Григорий, он, постукивая карандашиком в металлической обоймочке по столешнице, рассматривал какие-то бумаги. Человеку непосвящённому могло бы показаться, что хозяин кабинета не заметил появления Григория, не услышал его бодрого приветствия, но на самом деле Трапани – и Григорий знал это очень хорошо – был весь во внимании и с нетерпением ждал начала разговора.

– Я нашёл, – сказал Григорий, протягивая газету.

– Что это? Вы нашли утреннюю газету? – Трапани недоуменно покосился на помятую бумагу в руке агента.

– Именно! Впрочем, сам вам прочту: *«Новое время» слышало, что министерство финансов уважило ходатайство английской компании, снарядившей в прошлом году пароход к берегам Сибири, о разрешении ей привозить товары в устья сибирских рек беспоплибно в течение трёх лет. Прибывший в Енисейск пароход «Феникс», по распоряжению английской фирмы оставлен там на зимовку и в настоящую навигацию будет заниматься транспортировкой товаров от устья Енисея до города Енисейска. В устье же Енисея в нынешнем году ожидается прибытие больших английских пароходов, которые будут увозить из Сибири местное сырьё».*

Григорий торжественно закончил чтение и теперь смотрел на Трапани. Тот продолжал невозмутимо играть карандашиком, но в глазах появился тот хороший блеск, по которому молодой человек понял, что его идеей довольны.

– Говоришь, англичане рвутся в енисейскую систему через Карское море? Значит, они уверены, что льды, туманы, арктические холода можно преодолеть?

Григорий кивнул, потому как знал, что в минуты, когда Трапани размышляет вслух, он взвешивает все за и против.

– Конечно, Сибирь для англичан – это и рынок сбыта, и сырьё. Альбионы деньги на ветер бросать не станут. Коммерческий доход, думаю, покроет издержки с лихвой. А наша задача другая. Выйти в Енисей – половина дела. Ведь в самой-то тайге... Реки – не моря... В Иркутск ехать надо. Там крупнейшие торговые фирмы: Сибирякова, Трапезникова, Хамина и Глотова. Там приличные научные общества, я навёл справки. Впрочем, на месте всё станет яснее. Узнаем, как нам по таёжным рекам доставлять грузы. Да что мне тебе объяснять, Гришенька! Отчёты мне посылай через нашу контору в Иркутске. Отправляйся с ближайшим транспортом, и не мешкай.

Историческое отступление На пути к Подкаменной Тунгуске

О том, кто и как изучал Золотую Тайгу

Как бы ни манили отважных землепроходцев таинственные и богатые земли Сибири, служилые и торговые люди старались не передвигаться наобум по её бескрайним просторам. Сначала по крупицам из всевозможных источников собирали разнообразные сведения о зимовьях, дорогах и тропах, о порогах и шиверах, выясняли, кто обитает в здешних местах, а потом уж и в путь снаряжались. Замечательный сибирский историк В.Н. Шерстобоев очень точно сказал о путях сообщения в этой окраинной части России и о преимуществах первопроходцев перед местным населением: *«Урусских три вида непреодолимого для туземцев оружия: огненный бой, водно-волоковые пути и земледелие. Продвигая по этим путям вооруженные силы и закладывая на опорных рубежах остроги, русские создавали земледелие вдоль рек и обеспечивали тем самым прочный тыл для движущихся вперёд отрядов. Постепенно военные дороги превращались в мирные пути...»*

Путь из Руси приводил к Илимскому острогу, который, по словам Шерстобоева, *«запирал»* единственную дорогу на восток, к Лене. А к Лене было устремлено всё внимание, ибо она открывала новый этап освоения русскими людьми сибирских земель. Поставив Енисейский острог в 1619 году, служилые отписывали в Тобольск донесение *«со слов местного населения»* про *«безымянную реку»*. Река та была велика, добраться до неё можно было через волок, до волока нужно было ехать две недели, а потом по нему пробираться ещё несколько дней. Речь шла конечно же о знаменитом Ленском волоке. С 1630 года начинается изучение двух путей: через волок на Лену, с Нижней Тунгуски на Вилюю и затем на Лену-реку. Имелся путь из Мангазеи через Чечуйский или Тунгусский волок. Он шёл по Нижней Тунгуске к её верховьям. Нужно было миновать устье Нены и верховья Куленги.

Многие историки сходились во мнении, что открытие русскими Подкаменной Тунгуски относится к началу 1620 года, а в 1621-м сургутские казаки братья Фёдоровы, много ходившие по Сибири, открыли новую землю на Подкаменной. Извещали они после, что обнаружили 60 тунгусов. Открытие имело продолжение: тунгусов объясачили и получили с них для начала более 20 соболей. Спустя четыре года атаман Фирсов дошёл до места, которое назвал Летними Рассохами. Фирсову пришлось обороняться. Взяв пленников, лихой атаман двинулся до Варгаганской земли и заставил местных тунгусских князьцов присягнуть на верность русскому царю.

Так или иначе, но успешное продвижение русских первопроходцев привело к образованию в 1630 году двух ясачных волостей эвенков в междуречье Ангары и Подкаменной Тунгуски – Питской и Варгаганской.

А в 90-х годах XIX века на Подкаменную Тунгуску началось массовое проникновение русских людей. Шли с торговыми целями, устанавливали деловые отношения с охотниками, искали полезные ископаемые, в частности золото. От села Паново, что на Ангаре, предприимчивые купцы пробили дорогу к Подкаменной. Теперь через 140 верст можно было кратчайшим путем достигнуть новой земли. Была основана фактория Верхняя Контора – современный посёлок Чемдальск. До 1911 года появилось ещё 13 факторий. Теперь на Подкаменной Тунгуске вниз по течению располагались Верхняя Контора, Тетеря, Ванавара, Панолик, Оскоба, Рассолка, Бачинская, Куюмба.

Требовалось все больше и больше сведений о пока еще малоизученных землях.

Глава вторая

Енисейская дума

«1595 год. В путешествиях голландцев и Англичан интересно то, что мореплаватели встречали на севере русские суда, которые ежегодно отправлялись с товарами на Обь и Енисей...»

«Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края».

«Настоящие познания о северном побережье Азии в целом были получены только благодаря открытию Сибири русскими».

А. Е. Нордениельд. «Плавание на «Веге».

«Считая открытие прохода морем из устьев Оби и Енисея жизненным вопросом для Сибири и имеющим важное значение для всего нашего Отечества, я пожертвовал всем своим состоянием в 1 700 000 рублей, нажитым на золотопромышленности, и даже впал в долг. К сожалению, я не встречал ни в ком сочувствия к своей мысли: на меня смотрели как на фантазёра, который жертвует всем своей несбыточной мечте. Трудная была борьба с общественным мнением, но в этой борьбе меня воодушевляла мысль, что если я достигну цели, то мои труды и жертвования оценит потомство...»

М. К. Сидоров, сибирский промышленник и путешественник.

«Ни бури, ни льды не могли остановить отважных русских промышленников. Руководствуясь рукописными лоциями, составленными на основе опыта 40 плаваний на протяжении нескольких столетий, они на деревянных судах кочах и лодьях ходили к Новой Земле, Шпицбергену, в устье Оби и Енисея и порой оседали там на целые годы».

В. М. Пасецкий. «Нордениельд».

Будь здоров, град Енисейский, славный в славном ряду сибирских городов! И красив, и пригож, и лет немало! Как не простаивать у храмов твоих, потонувших в белой сирени и черёмухе; как не любоваться домами, причудливой резьбой изукрашенными, в коей легко заблудиться глазу; умельцами твоими, мастерами, известность о которых через тайгу и реку перелетела; как не удивляться рекам и лесам, что окружили тебя и стерегут, словно от злой напасти! И людьми, и подвигами ты не обижен.

Помнишь, поди, похвальное слово, что сказал о тебе на весь белый свет учёный муж: *«Енисейск, блюститель Устюжской набожности и торговли, посредник в сибирских сообщениях между Востоком и Западом, неминуемый ночлег дальних проездов и путей, долго пользовался почётностью и в уме правительства, когда в 1695 году пожаловано ему знамя; судя же по приливу и отливу людей, к восточному или южному краю стремившихся для торгов, равно и пересылаемых на Лену и за Байкал преступников, можно бы назвать этот город портофранком. Тут не спрашивалось у последних, кто и откуда, а приказывалось, куда должно следовать, потому что возложено на Енисейск, под главным наблюдением Тобольска, во всём поспешествовать делам забайкальским и Камчатским».*

Много городов в русском государстве, а спроси где – слышали о Енисейске? – обязательно вспомнят. Именно отсюда шли в восточные и северные земли первопроходцы, здесь готовились великие экспедиции. А потом вспомнят и про товары лучшие, и золото самородное, и лес корабельный, и краснорыбицу да белорыбицу. А ещё расскажут столь много из истории, что и мысли не возникнет другой: и впрямь город важный, державой обласканный. Книгочеев

да летописцев тоже немало. Не оскудевает сибирская земля талантами. И города стоят, что заставы на рубежах.

Славен будь, Енисейский град, славный в славном ряду сибирских городов.

* * *

В то самое время, когда Григорий Сидоров отправляется в Иркутск, на другом конце России, в Сибири, мирный и занятой своей повседневностью обыватель Енисейска извещён был о предстоящем заседании городской думы. В думе заседали гласные. Были тут и чиновники, и священники, и купцы, и учителя, и другой служилый люд, даже ссыльные были (воли-то вдали от столичной власти больше).

Заседание думы – это вам не пожар, не потоп, не прибытие нового начальства и даже не драка в базарных рядах, это событие даже для провинции ординарное. Хотя бывали и исключительные случаи: порой дебаты по особо острым вопросам не кончались в один день, а продолжались и продолжались, давая пищу местным газетчикам.

Вот и сегодня, глядя на стекавшуюся на заседание публику, можно было подумать, что оно будет непросто: почти все гласные собрались – редкий случай. Столько народу в своих стенах дума давно не принимала. Может, любопытство заставило гласных оторваться от деловых встреч и домашних хлопот, а может, и мысль о том, что дело сулит доходы, и немалые.

Николай Катаев был здесь впервые и чувствовал себя стеснительно – так на балу чувствует себя человек, не умеющий танцевать. Он внимательно присматривался к тем, чьё слово, чей голос мог стать решающим в его деле, старался угадать, кто же самый главный среди этого столпотворения.

Думцы стояли группками, что-то оживлённо обсуждали, что-то доказывали друг другу. Время от времени то один, то другой гласный отделялся от собеседников и переходил к другой группе, вежливо раскланивался, пожимал руки, говорил, жестикуюлировал. Казалось, в этом доме собрались как минимум добрые знакомые и товарищи, но только непосвященному человеку, или, точнее, новичку, могло прийти в голову, что здесь царит полное согласие. Ничего такого не было и в помине. Каждый гласный представлял чей-то интерес. Таковых, кто решал здесь сам за себя, без подсказок, просьб и приказов, было немного.

Вот, к примеру, купец первой гильдии Фрол Силыч Биряков, фигура заметная не только в Енисейске. На сибирских обедах и вечерах в Москве и Петербурге, промышленных выставках в Екатеринбурге и Нижнем Новгороде, в салонах европейских столиц звучало имя Бирякова, миллионщика и мецената. «Енисейский первой гильдии купец Фрол Би-и-иряков!» – выкрикивал какой-нибудь распорядитель на французском или немецком. В роскошных залах и салонах, казалось, подрагивали от этого имени хрустальные подвески люстр. И кто поспорит, что фигуре этой придавали вес многомиллионные обороты!

Слово Бирякова лучше любой официальной бумаги решало любые торговые споры. Он, Биряков, слыл меценатом и знатоком искусств. Он отпускал немалые средства на открытие новых школ, приютов и гимназий. Музеи и библиотеки по всей Сибири пользовались его покровительством. Благотворительные общества не однажды начинали свои заседания с благодарных речей в честь купца. Однако мало кто догадывался, что неистощимое желание помогать страждущему воспитано было собственным, в общем-то, безрадостным детством. Гимназию Фролу Бирякову заменила суровая школа приказчика Селифонтия, ибо отец желал иметь наследника торгового дела, а не светского бездельника. Институтом стали ярмарки, а школой жизни многодневные путешествия в тайгу, где шёл бойкий обмен с инородцами.

Сейчас Фрол Силыч направлялся к Катаеву, огибая кучки думцев. Катаев заметно волновался, прикидывая, видимо, шансы на успех.

– Николай Миронович, доброго здравия. Настроение, вижу, у тебя не ахти какое, волнение налицо. Эдак сам себе навредишь. С нашим братом-купцом похитрее надо быть. Увидят твою бледноту да нерешительность – подумают, что ты и сам в свою затею мало веруешь. Кто ж тогда денег даст? У торговых людей закон рынка – больше товару продать, да меньше убытков получить. А честно, к примеру, торговать или обманом заниматься, так то ж сугубо от индивидуальности зависит. Так вот у нас, по купеческому-то раскладу. А по-здешнему, думскому, дорогой мой человек, лучше и не думать, как. Вона, стоят, один другого душевнее, а чуть что не так, угрозу личному интересу почуют – сразу в крик. Да ещё какой: мол, Россия в опасности. У них собственный карман, видишь ли, сразу с Россией сливается... Не все, не все, конечно, такие ряженные, но их много. Так что готов будь к любому повороту. Хотя... раз дума гудит, значит, интересно гласным катаевское предложение. Глядишь, и наполнятся твои паруса ветрами...

– Спасибо, Фрол Силыч, подбодрили. Уж который раз то словом, то делом выручаете. Вот и прошлым летом на экскурсию денег давали, а когда музей с библиотекой открывали, так столько книг и приборов отписали! Совсем вы не купеческого нрава.

– Купец я, брат, купец, да ещё какой! Был бы тятка жив, поди удивился бы, какие дела сынок проворачивает. Миллионные! Ему такое и не снилось. Но вот что скажу тебе: сибирский купец – он хоть толк в деле и знает, да живет не одним прибытком. Так что не тушуйся, поглядим ещё, как дело повернётся.

Наконец, зал заседаний наполнился до отказа. Председатель думы, тучный с курчавой рыжей бородой человек, никак не мог успокоить гласных.

– Тишины, господа, тишины прошу! Пора начинать! Господа, внимания и тишины! Начинаем. Суть вопроса всем хорошо известна: поддержать на городские средства предприятие енисейского приказчика Катаева или отказать ему в прошении. Надеюсь, все помнят, речь идёт, прежде всего, о финансовой стороне этого дела. Мнение каждого будет принято во внимание. Господин Катаев, дума готова выслушать вас!

От былой катаевской растерянности не осталось и следа. Он решительно направился к трибуне, чувствуя спиной, что десятки глаз следят за ним. Ему вдруг захотелось взглянуть на публику и в устремленных на него глазах прочесть если не понимание, то хотя бы сочувствие и внимание. Он хотел увериться, что слова, которые собирался сказать, будут поняты и приняты собравшимися.

...Он вдруг остановился в центре зала и обернулся. Всем на мгновение показалось, что Катаев передумал, испугался, но через мгновение почтенная публика прочла во всём его облике неотступность, и попритихла. Все почувствовали, что сейчас будет сказано что-то очень важное для Енисейска и для каждого из них лично.

Катаев уловил этот безмолвный отзыв думцев и решительно продолжил путь к трибуне.

– Господа, сегодня решается важный для меня вопрос. И совсем не потому, что в деле есть предмет моей личной заинтересованности. Я уверен, вы понимаете всё как раз наоборот. Дело исключительно общественное, если хотите, гражданское. Не раз говорил и сейчас повторяю: экспедиция будет преследовать главную цель – умножение знаний о Подкаменной Тунгуске. Не обидно ли, что приенисейские пути осваивают англичане, голландцы, датчане! Даже американские путешественники стремятся в северные широты. Не обидно ли это!? А что же мы, енисейцы? Когда-то соперничали славой с Мангазеей златокипящей, с форпостом сибирской торговли в Европе, а теперь проигрываем, отстаём от иностранных корабелов, не успеваем за ними! И сколько же будем на питерский да московский капитал кивать, ожидая, когда он к нам пожалует? В столицах, видать, дела поважнее, проблемы посерьёзнее, раз не видят они государственного интереса.

Дума встрепенулась, зашумели гласные, слышно стало, как сдвигаются стулья, послышались выкрики с мест.

– А вы желаете, чтобы мы более пеклись об интересах купца Базилевского? Отчего он только часть экспедиции финансирует?

– Зачем она нужна, эта экспедиция, ведь корабли Базилевского давно по Тунгуске ходят?!

– Мы – городское собрание, а не клуб меценатов...

Катаев терпеливо слушал.

– Я готов отвечать, господа гласные. Действительно, Базилевский платит только за часть пути. Действительно, у Базилевского здесь свой интерес, касаемый золотопромышленности. Но вам также известно, что эта отрасль терпит сегодня убытки. И вы также знаете, в каком бедственном положении приисковый люд. Голод! На приисках голод! А почему? Короткая летняя навигация. Можно ли её продлить? Можно, но без экспедиции, без новых исследований ничего не получится. Да вам не хуже моего известно – капитаны водят корабли на свой страх и риск. И что может перевезти десятиильный пароходик?! Да, он рискнул без лоций пройти по притокам Подкаменной Тунгуски – Теи, Вельмо – менее девяти вёрст. А длина их 300 вёрст! Так что там за девятой верстой? Жизнь, или вечный холод? Люди, или звери одни?

Зал снова зашумел, а некоторые гласные вскочили с мест, выкрикивая:

– Базилевскому выгодно, а мы изучай пути!?

– Город найдёт, куда потратить деньги!

– Пускай сам и финансирует!

– Грабёж! Городские деньги в воду?

Председатель пытался утихомирить публику. Он тряс своим колокольчиком и охрип, призывая зал соблюдать спокойствие. Куда там! Думцы не на шутку разбушевались. Наконец председательствующий нашёл выход. Он выкрикнул:

– Пожалуйста на выступление, Фрол Силыч!

Думский гомон затих. Теперь уже почтенное собрание подавало одобрительные голоса:

– Вот, Силыч, и скажи всё как нужно...

– Конечно, скажет! Базилевский в прошлом году отказался его хлеб для промыслов покупать...

Биряков медленно подошёл к столу председателя. Он ещё только повернулся лицом к залу, а тишина уже стояла полная. И те, кто его ненавидел за удачливость и фарт, и те, кто уважал за деятельность на общественном поприще, и те, кто получал от него отказы или, наоборот, помощь, – все глядели на купца в оба и приготовились ловить каждое слово.

Биряков ещё какое-то время молчал, глядя исподлобья на собравшихся, словно о чём-то думал. В руках у него была газета. Он сжимал её так, словно пытался выдавить буквы и строки.

– И то правду пишут про нашего брата-купца. Местная журнальная братия Тит Титычами величает. Это значит, что если собственной выгоды нам не видно, то и шабаш, пустое всё для нас дело! Тыфу, господа хорошие, срамно мне за себя, хотя и нет тут моей вины. Но меня с вами не разделяют. Я вашего цеху, одного мы розлива.

Биряков перевёл взгляд на ту часть зала, где обычно устраивались купцы. Остальные гласные обернулись как по команде и тоже посмотрели. Купеческий угол затих.

– Послушаешь нас, громогласных, так выходит, что нам бы только деньгу в банк положить да на ярмарку сгонять. Да правы вы, правы. В одном правы: из-за Базилевского, который в последний момент отказался от моего хлеба, я потерпел убыток, и не малый. Но речь-то сейчас не о том, совсем не о том. Послушайте, господа гласные, что в нашей газете «Енисей» пишут. Специально прихватил прочесть вам, а то не все выписывают, поди и азбуки не разбирают, неграмотные, чай.

По залу прошёл недовольный шепоток. Бирякова побаивались: богат безмерно, резок порой и упрям до невозможности.

– Так вот что пишут: *«Известно, что Минусинский музей поднял свой престиж научными изданиями и описаниями коллекций. Нельзя не пожалеть, что представители Енисейской золотопромышленности, видным представителем которой является Енисейский музей со своими горными породами и техническими моделями, остаются глухи к его благосостоянию. Но между тем ознакомление с краем, его естественными богатствами путём описания коллекций музея могло бы вызвать развитие в той или иной промышленной деятельности если не в настоящем, то в будущем».*

Биряков закончил читать, посмотрел в сторону Катаева, потом обвёл взглядом зал, словно искал кого-то, и, увидев Калюжного, продолжил.

– Ты, Макар Калюжный, кричишь громче всех. Я так понял, что собственной-то мощной не тряхнешь, сам денег на экспедицию не дашь, да и общественные капиталы трогать не намерен. Правильно, зачем тебе-то? В твоём питейном заведении разве ж до наук!

– Я книгу издал! – громко, так, чтобы слышала вся дума, выкрикнул оппонент. – И газету, вон, поддержал!

– Да лучше бы не издавал, – хмыкнул Биряков. – Вот прочтут потомки твои вирши и подумают, что все нынешние поэты такого уровня были. Я вот вслух стал читать своей собаке Макаровы стихи, так она завывла, прости Господи.

Зал дружно засмеялся, разразился аплодисментами. Все знали страсть купца Калюжного.

– Не писал бы ты стихов, Макар! Купец ты хороший, деньги тебя любят, а слова прочь бегут. А про газету и вовсе стыд. Ты же деньги за публикацию своих виршей заплатил! Вот помощь так помощь!

Зал зашёлся пуще прежнего. Биряков поднял руку, желая говорить дальше. Лицо его стало серьёзным.

– Да ладно, Макар, не обижайся. А вот скажите-ка, большинство здесь собравшихся, куда ваши детки да внучата каждую среду ходят? Молчите? Так я сам скажу— в музей. Они там практические занятия проводят. А музей-то что, с неба свалился?! Там ведь всё по камешку, по косточке, по картинке такими, как Катаев, собрано, из разных экспедиций свезено. Вот и думайте, господа хорошие, помогать Катаеву, или нет. А что Базилевский сего дела не финансирует, так тому причина имеется. Вам не хуже моего известно – он мой хлеб в прошлом году не купил, а я ему в этом не продал. Теперь рабочие с приисков бегут, не с голоду же помирать. Ему другие-то – посредники – ценник задрали... Впрочем, это дело наше с ним, а вот экспедиция, то другое – общее. Чтобы трескуны ни говорили, будто слова на ветер пускаю, последнее моё слово такое: пять сотен даю Катаеву для поездки на Подкаменную Тунгуску. Наша земляца, нам её и обустраивать. Никакие другие, пардон, ландшафты, мне не нужны, но мою тайгу не отдам никому. Торговать с англичанином или с датчанином в радость, а чтоб тайгу забрать – накося выкуси.

Биряков с силой хлопнул рукой по председательскому столу. Председательствующий вздрогнул, колокольчик в его руке тихонечко зазвенел.

Шум поднялся невообразимый. Теперь уже спорили между собой гласные, все разом. Громче всех оказался Макар Калюжный. Уж как ни побаивался он Бирякова, но всеобщее посрамление стерпеть не мог. Он что-то выкрикивал, пытаясь во всеобщем шуме что-то доказать миллионщику.

Напрасно председательствующий тряс колокольчиком, стучал карандашом по графину, призывая гласных к порядку. Дума волновалась, и не было такой силы, которая бы заставила этих людей уgomониться и вновь стать чинным собранием отцов города.

А шумели потому, что Бирякову, человеку бывалому, либералу и миллионщику, за всей этой затеей виделось нечто такое, чего сами они постигнуть и разглядеть не смогли.

...На следующий день енисейцы узнают подробности думских дебатов из местных газет и решат дело по-своему: помогут, как всегда, миром. Кто чем сможет, тем и вложит свою лепту в катаевскую затею. Чиновник сделает взнос, заезжий литератор опубликует статью и передаст гонорар Катаеву, таинственный доброжелатель пришлёт немного денег. И Макар Калюжный не останется в стороне, хотя шумел и бил себя в грудь, что не вложит ни копейки, но, поостыв и прикинув все за и против, отпишет Катаеву необходимые для путешественников вещи аж на тысячу рублей! Переплюнул-та-ки Бирюкова Макар и вошёл в историю!

Все они составляли сибирское общество, делом рук которого – знаменитыми галереями, зданиями театров, университетами и училищами, музеями и книжными коллекциями – мы сегодня гордимся и наслаждаемся. Эти люди сумели победить беспамятство.

Жили Катаевы недалеко от Большой улицы в собственном доме, который купец Базилевский переписал на своего приказчика, когда у того родился первенец Степан. Ценил купец Катаева. Хотя тот и наёмным работником считался, но, по сути, был и добрым советчиком, правдивым ответчиком, и полезным работником. На слово его Базилевский полагался не раз, и всё выходило честь по чести.

Жена и сын встречали Катаева у калитки.

– Ну вот, мои дорогие, скоро в путь. Согласилась дума экспедицию снарядить! Хоть и кричали, и ругались, а согласились.

– Ура! Плывём! Когда? – радостно загалдел Степан, сын Катаева. Исполнилось ему только пятнадцать, а силой и ростом, слава Богу, уже под стать отцу.

Катаев обнял сына и жену.

– А скоро и поплывём. Вот только к Ядринцеву и Клеменцу в Географическое общество съезжу. Нужно посоветоваться, карты поглядеть. А ты, Марья, что улыбаешься, словно праздник какой в доме?

– Ты Николенька, сейчас мне видишься точь-в-точь, как тогда в Красноярске, помнишь?

– Ас чего забывать-то? – расхохотался Катаев. – Но ты-то, девка, тоже хороша! Видишь, человек прилёт, спит, с усталостью прощается, – так нет, обязательно побудку устроить надо!

...Познакомились они в Красноярске. Вышло чудно— и смех, как говориться, и слёзы. Нет, вначале слёзы, потом уже смех. Работал тогда Катаев у купчины рискового. Тот разорился вконец, дело продал за гроши и сгинул. Остался Катаев гол как сокол. Денег нет, родных тоже – сирота, приткнуться негде. Собрал нехитрый скарб в котомку – и за ворота.

Бродил по городу, вышел на окраину, увидел луг – трава высокая колыхается на ветру, словно убаюкивает. Котомку под голову – и уснул. Проснулся от того, что кто-то за руку тянет. Глядит – девушка: почто, мол, на чужой поскотине развалился. Он ей всё как есть и расскажи. Да так видно, растрогал, что Марья разрыдалась. Привела в свой дом – сама недавно хозяйкой стала, отец уж давно на золотых приисках сгинул, а матери год как не стало. Ночевать пригласила. Утром сели к столу, глянули друг на друга – и слов не надо. Такая, видно, эта любовь была. Думали-гадали, как жить, а тут вербовщик попался. Решили на золотые прииски податься. Там-то смышлёного да грамотного работника Базилевский и присмотрел, потом в Енисейск вызвал. Здесь Катаевы и осели, вероятно, уже навсегда.

С тех пор 15 лет прошли, словно каплей в воду канули, только круги разошлись... Так как же не помнить того красноярского дня?

Катаев вздохнул, обнял Марью, поцеловал в русые волосы.

– Коленька, чует сердце, всё обойдётся, получится. Я к бабке Шепотухе ходила. Сходится гадание. Вначале пропасть, болота, ухабы, только к концу дорога ровной полоской бежит.

– Да ты сама колдунья! Вот узнают люди про твою ворожбу, сожгут на костре!

– Не дамся!

– А кто спросит! Кинут в огонь, и всё тут.

Марья вдруг стала серьёзной, прижалась к мужу.

– Страшно, поди, в огне-то умереть. Читала я про попа ссыльного Аввакума. Был, говорят, такой непокорный человек, за правду погиб. Против самого царя пошёл, против патриарха! Сожгли его со всем семейством, а покаяния так и не услышали... Вот ты в неведомые земли без страха идёшь, а мне боязно. Меня при доме оставляешь, а Степку берёшь. Не мал ли ещё?

– Думал я об этом. Мальчонка быстро взрослеет. В экспедиции опыта таёжного наберётся, окрепнет. Хотя, может, ты и права – не след ещё.

– Как не след! Решено уж. Вот Аввакум с женой и детками был. Я в положении, не успею за вами, растрясет. Так хоть Степа пусть рядом будет. Обережёт тебя. А ты его. Так и будете друг за дружкой приглядывать...

Историческое отступление Михаил Сидоров

В котором читатель узнает о замечательном русском путешественнике, подвижнике, исследователе северных путей

Имя Михаила Сидорова значится не только на географических картах России. В честь него назван пролив между островами Ли-Смита, Блисса, Брайса и островами Брейди и Аджер архипелага Земля Франца-Иосифа. Его имя носит мыс на острове Рыкачёва в Карском море. Специальные музейные экспозиции о Сидорове есть в Печоре, Ухте, Красноярске и Сыктывкаре, материалы о его жизни и подвижнической деятельности собирают сотрудники Музея Арктики и Антарктики в Санкт-Петербурге.

Чем прославился этот россиянин, что великого совершил? За что потомки, спустя столетия, бережно хранят память о нём? И, наконец, какое отношение имеет он к нашему повествованию? Поверьте мне, отношение самое непосредственное.

Уроженец Архангельска, Михаил Константинович Сидоров был купеческого сословия. В конце 50-х годов XIX века он приезжает в Красноярск и спустя какое-то время попадает в эпицентр приисковой жизни золотодобытчиков. Оказавшись на севере Енисейского округа, Сидоров открывает богатые золотосодержащие земли.

«Осмотрев их, Сидоров не утерпел и один отправился на другие приiski по всей реке Енашимо. Нашёл, что в верховьях её притока, речке Огне, на расстоянии от устья в пять верст и ниже от устья Огне по реке Енашимо на расстоянии 10 верст должно быть продолжение богатой россыпи, открытой ещё в 1840 году. О своём открытии Михаил сообщил в Петербург Латкину, и «тот немедленно вооружил его доверенностями на заявки от людей, которым золото мыть не возбранялось» (с 1844 года право промышленать золото в Сибири предоставлялось только очень привилегированным особам). Воодушевлённый успехом, Сидоров продолжил свои изыскания: «Забираясь всё дальше и дальше по диким енисейским берегам, набирался опыта от товарищей старателей, обучался нелёгкому их ремеслу». За то, что указывал места своих находок, хозяева приисков должны были платить ему в дальнейшем по 1000 рублей с каждого пуда добытого золота. Природная сметливость, упорство и, конечно, сопутствующая удача помогли вскоре обнаружить «чуть ли не 200 месторождений», из которых 36 достаточно быстро «выдали более тысячи пудов» благородного металла, чудесным образом превратив Сидорова в миллионера...» ("Природа. № 6, 2008/

И вот тут новоиспеченный миллионер меняет занятие. Он всецело погружается в изучение северных приморских окраин России, мечтает изучить пути сообщения между Европой и Азией. Его манит русский Север! Теперь он сам организует экспедиции и отправляет изыскательские партии. Хочет понять, есть ли возможность удешевить доставку товаров через северные морские пути и можно ли здесь завести устойчивую промышленность, начать новые виды деятельности. Так, в 1859 году один из отрядов Сидорова открыл на берегах рек Курейка и Нижняя Тунгуска отличные запасы графита. Спустя два года здесь был запущен первый графитовый рудник.

Сидоровские экспедиции в Туруханский край дали месторождения каменного угля, квасцов (каменного масла), железных и медных руд, нашли мамонтовую кость, янтарную смолу и многое другое.

Многие годы Михаил Сидоров посвятил Печорскому краю. Здесь русский промышленник опередил иностранцев, стремившихся на восток России. Именно Сидорову принадлежит

учреждение пароходства на самой Печоре, строительство порта. Он занялся судостроением и лесом, организовал шкиперское училище. Он стал добывать в этом районе нефть...

Убедившись, что заходить в сибирские реки из северных морей возможно, Сидоров в 1859 году в специальной записке красноярскому генерал-губернатору излагает план отправки грузов из Енисея в Европу и наоборот. Он утверждает, что развитие судоходства от Байкала до Петербурга позволит уменьшить расходы по перевозке грузов в пять раз, будет способствовать оживлению морского промысла, развитию и процветанию сибирских земель.

А дальше случилось вот что: красноярский начальник края отписывает в столицу предложения сибирского промышленника Сидорова, но большого энтузиазма в правительственных кругах оно не встретило. Поездка самого Сидорова в Петербург к вице-председателю Русского географического общества – знаменитому мореплавателю Ф.П. Литке – тоже закончилась безрезультатно. А предлагал Сидоров учредить премию в 14 тысяч рублей для русских моряков, которые рискнут морем достичь устья Енисея. Странно, что Литке отказал. Правда или нет, но говорят, будто Литке считал, что таких смельчаков в России нет, и предложил обратиться в Англию, где северным путям уделялось огромное внимание.

Тогда Сидоров объявляет во всеуслышание, что премирует любого капитана, который приведет корабль к устью Енисея. И такой мореплаватель нашёлся. Это был Павел Крузенштерн, сын знаменитого путешественника адмирала Ивана Крузенштерна.

Крузенштерн-младший в 1862 году отправляется в экспедицию, но его шхуна, увы, гибнет в Карском море. Сам капитан и его экипаж, к счастью, благополучно достигают полуострова Ямал.

В 1867–1868 годах Сидоров всё-таки пытается осуществить свой план. Он много ездит по Европе, знакомится с капитанами и исследователями северных путей, в том числе с Норденшельдом.

Профессор Нильс Эрик Норденшельд изучал Шпицберген, а познакомившись с Михаилом Сидоровым, становится соратником и помощником Сидорова в его начинаниях.

В 1869 году Сидоров на колесном пароходе решает сам идти к устью Енисея. Заветная мечта была уже совсем близка – пароход находился недалеко от Енисейского залива, однако вынужден был повернуть обратно. Михаил Константинович не смог найти знающего лоцмана, который смог бы завести корабль в устье.

Лишь в 1874 году английский пароход «Диана» под командой англичанина Иосифа Виггинса достигает Карских Ворот и 5 августа входит в устье Обской губы.

Известный русский промышленник и путешественник, исследователь и общественный деятель Михаил Константинович Сидоров скончался 12 июля 1887 года. Он оставил массу материалов, исследований о Российском Севере, научных статей докладных записок и проектов. Эти слова написаны о нём в газете «Новое время»: *«В нашем обществе так редки примеры увлечения, настойчивости, последовательности в проведении известных идей, что люди, подобные Сидорову, должны возбуждать удивление. Имена их должны с благодарностью сохраняться для потомства».*

Глава третья Иркутск! Иркутск!

Даже самый малый город начинает отсчёт своей истории не по желанию или прихоти одного человека. Усилиями тысяч людей, их мечтами и деяниями выросли белокаменные столицы, неприступные крепости и открытые торговые города. Вот почему неповторимы и так непохожи они друг на друга. Русские землепроходцы поставили Енисейск, Красноярск, Якутск, проникли в Прибайкалье. Стали создавать систему братских острогов. Явились, глядя в небо рублеными башнями, Илимский, Верхоленский, Балаганский, Братский, Киренский, Усть-Кутский. Словно младший за старшим выстроились первые сибирские города, словно по особому уговору окружили то место, где поднялся будущий Иркутск, сокрыли до поры до времени от чужого взора.

Иркутск был одним из немногих городов, которым выпал жребий активно поучаствовать во внешней политике России. Ведь именно он стал проводником и посредником в установлении экономических и культурных связей с Америкой, Китаем, Монголией и Японией. А сколько замечательных ученых, путешественников, литераторов останавливалось здесь! Сколько строк посвятили ему поэты и прозаики...

«Даже общая первоначальная образованность распространена в Иркутске более, нежели во многих русских городах. Лучшим доказательством этому служит то, что нигде не видела я такой общей страсти читать».

Е. Авдеева-Полевая – одна из первых русских писательниц.

«Духовные запросы в иркутском обществе появились ранее, чем где-либо в Сибири. Уже в 30-х годах XIX века в Иркутске был дом купца Дудоровского, в котором собирались лучшие люди в городе. Кроме того, в Иркутске организовался кружок для бесед о политике и литературе, имевший председателя. По классификации того времени это было, конечно, тайное общество».

Г. Н. Потанин – ученый, путешественник, общественный деятель.

«Иркутский образ жизни значительно отличается от других сибирских городов. Во внутреннем убранстве домов и в одежде обитателей господствует чистота...».

Георги – ученый, путешественник.

«Народ как в Иркутске, так и во всей Сибири по большей части набожен, а особливо старожилы и купечество; это не мешает тамошним купцам жить весьма опрятно, со вкусом, брить себе бороды и одеваться чисто в немецкое платье; к тому же они весьма гостеприимны и примерной нравственности».

Сенатор Корнилов – важный чиновник сибирской администрации.

«Вообще же иркутские граждане обходительны и гостеприимны так, что в последнем случае можно их назвать примерными русскими хлебосолами... В домах своих живут очень опрятно, богатые для украшения комнат зеркала и другие лучшие мебели выписывают из Санкт-Петербурга, Москвы и с Макарьевской ярмарки. Не отрицают бород, ходят в немецком платье или мундирах Иркутской губернии; иностранных языков старики и средних лет люди хотя и не знают, зато старые и новые русские книги,

также газеты и журналы, издаваемые в обеих столицах, выписывают и с любопытством читают, извлекая из всего существенную для себя пользу».

Семивский – чиновник сибирской администрации.

Подобных высказываний сотни...

Пол-России за спиной. Половина ещё впереди.

Едешь и едешь, оставляя позади села, деревни, города. А между ними верстовые столбы, да спасительные для всякого путешественника почтовые станции. Не будь их, и впрямь загрустишь, запечалишься, подозревая, что путь твой никогда не закончится.

Но вот и Сибирь. Кому погибель, а кому избавление от невзгод ещё более тяжких, чем суровое сибирское житьё. Кому простор для души, карьера и широкое поле деятельности, а кому ссылка и наказание. Одному бывает тягостно от дум – как оно там, а другому дальний путь в радость, спасение от скуки и ежедневной бытовой суеты.

То ползёт, то мчится почтовая карета по Московскому тракту. И покойно на душе, и радостно, что ещё немного – и конец изматывающей тряске, бессоннице, однообразию дорожных пейзажей и вынужденному одиночеству. Скоро главный город обширной губернии.

Мчится тройка, поливают колокольцы, наяривают, чтобы ямщик не вздремнул ненароком, не съехал в придорожную канаву. Отпугивают колокольцы диких зверей, птиц разгоняют. Динь-дон, динь-дон. Едет, мчится почтовая, уминает пыль да грязь. Скоро, скоро Иркутск! Когда долгий, утомительный путь остался позади, Григорий ощутил радость своему нечаянному жребью. За те дни, которые провёл в дороге, столько впитал впечатлений, столько приобрёл знакомств и столько часов побывал в раздумьях, что казался себе другим человеком.

Прошлая ровная, спокойная, понятная, жизнь, казалась теперь недостижимой, да и ненужной.

Сколько всего невероятного узнал он и увидел за эти дни! Сколько открыл отваги, доброты и сердечности в соотечественниках! Отчего же раньше эти их добродетели были скрыты от него, что мешало разглядеть всё лучшее? Особенно поразила одна история. Её Григорий вспоминал часто, как и рассказчика – инженера, ехавшего на службу из отпуска. Инженер был очевидцем событий, а потому всё, что говорил, имело особое обаяние... Вот и сейчас, подъезжая к губернскому городу, к своей цели, Григорий мыслями нет-нет да возвращался к судьбе 73 людей, которых никогда не знал и не видел. Он вспоминал, как инженер приглушал голос, начиная свою историю.

«– Иркутск, дорогой мой Григорий Матвеевич, это, знаете ли, город особый, наша северная столица! Не улыбайтесь, скоро сами убедитесь. Какие библиотеки, театр, научные общества, приличные оперные певцы... Люди – вот что главное, Григорий Матвеевич. Я, конечно, идеалист. Возможно, на меня влияют долгие, почти безлюдные таёжные путешествия, но иркутские люди, скажу я вам, замечательные. Вот лишь один показательный пример.

Музыкальное общество в Иркутске имело популярность необычайную! Имейте в виду, основал его сам Александр Михайлович Сибиряков. Вам, коммерсанту, связанному с морями, эта фамилия, конечно, хорошо знакома. Промышленник, путешественник и меценат, много стараний и средств он употребил на то, чтобы найти талантливых артистов. Я сам слышал его труппу. Какие голоса! А репертуар! Особенно выделялась Любаша Подгорбунская, любимица публики, настоящая прима. Её слушали многие музыканты и композиторы. И все сходились в том, что это безусловный талант. Она пела романсы Глинки, виртуозно играла Шопена и Моцарта. Сибиряков прочил ей блестящее будущее, столичную сцену. Уж кто-кто, а он в искусстве разбирался.

Но случилось непостижимое. Любаша, умница и красавица, вдруг выходит замуж. И за кого! За пастуха, отшельника, человека, который, кажется, забыл родной язык в таёжной глуши! Вам, Григорий Матвеевич, это может показаться невероятным. Я и сам подумал бы так же, но, увы, присутствовал лично на прощальном вечере Любови Афанасьевны.

И вот тогда Сибиряков заявил во всеуслышание, что решил подарить ей рояль, самый лучший, который найдёт на Британских островах, куда уезжает по коммерческим делам. В то время Александр Михайлович был увлечён организацией коммерческого плавания судов северными морскими путями. Обещал доставить рояль туда, где будет жить его любимая певица. А жить ей предстояло в Туруханском крае, в глухом селе Монастырском.

В Лондоне Сибиряков остановил свой выбор на великолепном инструменте красного дерева – рояле фирмы «Мейбом». Он уговорил мореплавателя Нордениельда, который отправлялся к северному морю, доставить рояль в Сибирь.

Вас, Григорий Матвеевич, конечно, удивила та поспешность, с которой Любовь Афанасьевна бросила всё и вышла замуж. Да и выбор сделала странный. Общество судачило об этом. Но дело в том, что у будущего мужа нашей примы тоже была своя история. Очень поучительная, между прочим. Она лишний раз подтверждает, сколь необуздан гнев человека и каковы роковые последствия его. Вот она, эта история.

Одиннадцатилетнего русского мальчика Михаила Сулова, который в чем-то провинился перед учителем церковно приходской школы, в наказание и назидание другим ученикам увозят из большого шумного города к заполярному озеру Чиринда в кочевье эвенка Николая Пеле из рода Удыгир. Отец Михаила Сулова, или Михи, как прозвали мальчика эвенки, состоял на церковной службе и был очень важным и уважаемым в этой среде человеком. Он занимался миссионерской деятельностью, подолгу жил у якутов и эвенков, строил фактории, крестил и отпевал. Только через 10 лет приехал за сыном в стойбище Николая Пеле и увёз его обратно, вновь круто изменив его жизнь, – женил на приме иркутского музыкального общества Любаши Подгорбунской, желая таким образом, видимо, искупить вину перед сыном. Брак этот вряд ли бы состоялся, если бы не всемогущий Енисейский архиепиеей Акакий. Он был причастен к судьбе Любаши, и слово его стало окончательным: он всё решил и за Миху, и за Любашу.

Церковь скрепила брак, а медовый месяц молодые встретили в пути. Акакий назначил Михаила катехизатором, то есть человеком, который должен был готовить тунгусов к таинству крещения. Понимал архиепиеей, что лучше Михи, которого эвенки считали своим, с этим делом никто не справится.

После недолгих сборов супруги отправились в Монастырское. Постепенно обжились, строились. В суровом Заполярье во многом благодаря стараниям Любви Афанасьевны начались занятия с детьми 77 эвенков, устраивались концерты, любительские спектакли. Нередко из дома Суловых доносился удивительный голос «Мейбома», раздавалось пение хора, которым руководила Любаша.

Этой женщиной можно удивляться до бесконечности. Она перенесла столь разительные перемены в жизни, создала на голом месте семейный очаг, родила семерых детей! Представьте себе, Григорий Матвеевич, судьба готовила Любаши новые испытания. Её супруга всё тот же Акакий решил отправить в Илимпейскую тайгу. В Чиринде они станут строить дома, поставят небольшую церквушку. Станут то ли учёными, то ли учителями...»

Инженер умолк. Ямщик что-то напевал себе под нос, лошадки шли спокойно, чувствуя приближение жилья. В посеревшем небе уже был виден лунный круг.

Григорий думал о Соне. Ему чудилась долгая полярная ночь, и будто Соня, а не Любаша Подгорбунская, прильнув лбом к холодному стеклу единственного в доме окна, улыбалась, думая о чём-то приятном, возможно, о нём. Потом садилась за рояль и тонкими пальцами касалась клавиш. Вначале слышалась капель, потом ручеек, наконец, звук набирал силу и тёк настоящей рекой, то спокойной, то бурлящей, то нежной, то всепоглощающей... «Соня, милая Соня. Вдали я полюбил тебя ещё сильнее. Всё время вспоминаю нежное, по-детски смешливое лицо, маленькие ручки. А стоит закрыть глаза – и ты будто рядом стоишь. Не плачь, любимая, не печалься. Время летит быстро. Теперь я понял истину: скорого счастья не бывает».

Инженер вышел раньше Григория, у Глазковской деревни. Прощались как давние друзья. Разумеется, обменялись адресами, хотя одному Богу известно, когда Григорий Матвеевич окажется в родных местах. Да и попутчик предупредил, что скоро отправляться ему в геологическую поездку – золотопромышленники вновь подняли вопрос о железной дороге, что соединила бы Бодайбо с Иркутском.

Григорий остановился на Большой улице у гостиницы «Гранд-Отель». С нескрываемой радостью вышел из кареты и как следует размял ноги после многодневного пути. Мальчик-служка помог перенести багаж в номер. По телефону Сидоров сразу же связался с конторой Торгового дома Трапани в Иркутске. Договорились, что встретятся в гостинице завтра.

Григорию хотелось поскорее выскочить из номера и окунуться в привычную уличную сутолоку, к которой привык в южной Одессе. Тем более что из одного окна его номера открывался чудесный вид на главную улицу, по которой нескончаемым потоком двигались деревенские подводы, сновали пролётки и экипажи, спешили по делам горожане.

Два других окна выходили на торговые ряды – маленькие магазинчики, лавки, павильоны. Видны были вывески больших универмагов.

Наскоро переодевшись, даже не выпив чашки чаю, Георгий вышел из гостиницы и отправился знакомиться с Иркутском. Он и предположить не мог, какая странная история совсем скоро ожидает его в незнакомом городе в этот обычный летний день. А ведь виной, или первопричиной всех последующих событий стал в общем-то пустяковый эпизод.

В те годы никаких особых правил езды по дорогам не было. Пешеход господствовал. Автомобилей даже в начале XX века в Иркутске было мало, велосипедисты представляли собой явление экзотическое. Привычные ко всему городские извозчики, ловко управляющиеся с тарантасами, пролётками и экипажами даже представить не могли, что в скором времени будут приняты специальные регламенты: как можно, а как нельзя ездить по Иркутску. Выйдя из гостиницы, Григорий оказался на перекрёстке Большой и Амурской улиц. На противоположной стороне дороги стояла кирха.

По рассказам попутчика, Большая вела к Ангаре, вот туда-то Григорий и решил отправиться в первую очередь. Только он сошёл с деревянного тротуара перед гостиничным крыльцом, как чуть было не угодил под колеса автомобиля, вылетевшего из-за поворота. Шофёр, выкрикивая проклятья, выжимал тормоза, а Григорий, вместо того чтобы отскочить от надвигающегося железного монстра, стоял как вкопанный.

Авто остановилось буквально в сантиметре от нашего героя. Из машины выскочил верзила в автомобильном шлеме, длинных перчатках, кожаной куртке и коричневых галифе.

Он на ходу снял защитные очки, скрывавшие половину лица, и гневно наступал на Григория, шевеля от возмущения большими чёрными усами.

– Чёрт побери! Чёрт побери, говорю я вам! Я чуть было не угробил своё авто!

Григорий всё ещё не мог прийти в себя, а агрессивно настроенный усач, казалось, готов пустить в ход кулаки.

– Эй, вы! Я к вам обращаюсь, а не к гостиничным воротам! Вам что, места не хватает в городе, что вы переходите улицу прямо под колесами моего автомобиля!

Григорий почти опомнился, и только бледность и лёгкая дрожь в руках выдавали его испуг.

– Простите, простите, – пробормотал он. – Я не думал, что...

– Он не думал! Конечно, он не думал! О чём тут думать!?! А-а, догадываюсь: уж не о том, конечно, что Иркутск город большой и кроме кляч в повозках здесь встречаются и автомобили.

Ответить Григорию было нечего, и он только развел руками. Между тем владелец автомобиля сменил гнев на милость.

– Разрешите представиться, Вадим Петрович Яковлев, владелец иркутского автогаража. Перевозки и переезды за считанные минуты.

– Григорий. Торговый дом Трапани.

– Как же, как же, слышал. Морские и речные перевозки крупногабаритных грузов, – похлопал по капоту Яковлев. – Вот этот автомобиль доставлен вашей компанией точно в срок. Благодарствую. Ну, раз уж состоялось наше неожиданное знакомство, предлагаю закрепить его ужином. Приглашаю в ресторан. Тем более что есть повод!

Вадим Петрович поднял руку с вытянутым к небу указательным пальцем:

– Повод самый настоящий! Сегодня курьерским из столицы прибывают мой любимый и золотой друг Фрэнк Черчилль и Элен! Элен! Спустя столько лет мы снова встретимся. Мы хотим отметить эту встречу, присоединяйтесь. Это прямо здесь, в ресторане «Гранд-Отеля». Согласны?

Григорий неуверенно пожал плечами.

– А это удобно? Вы давно не виделись с друзьями, вам есть о чём поговорить, что вспомнить. Я прошу прощения за инцидент, что доставил вам столько неприятных минут...

– Да бросьте вы! Что за сантименты. Вы, кстати, в Иркутск по каким делам – торговым, политическим, образовательным? Нынче в городе много приезжих, ведь строят железную дорогу вокруг Байкала...

Сидоров в двух словах обрисовал цель визита.

– Вот и отлично. Вот и удивительно хорошо. Поговорим и об этом. Я приглашу на ужин ещё одного старого знакомого – господина Мульке. Это наша местная знаменитость. Его оптический магазин – достопримечательность города. Здесь приобретаются не только линзы и оправы, но и последние образцы оптических приборов. Недавно он привёз телескоп и теперь выставляет его на улице, чтобы горожане могли посмотреть на звёзды. И представьте себе, желающих – хоть отбавляй! А по проезжей части всё же не ходите, будьте осторожнее. Неровен час, станете добычей кошевников.

Сидоров удивленно посмотрел на автомобилиста.

– Кошевников?

– Ах да, совсем забыл, вы же неместный. Кошевники— это лихие иркутские разбойнички, которые охотятся на зазевавшихся пешеходов с помощью колясок и саней. Намедни мой знакомый обер-кондуктор Сибирской железной дороги Башняк возвращался домой после спектакля в городском театре. Живёт он на 2-й Иерусалимской улице. И шёл Башняк, представьте себе, не по тротуару, а по дороге. Такой же нарушитель правильного движения, как и вы, милостивый государь. Услышал, что сзади скачет лошадь, обернулся посмотреть и пропустить наездника, как в то же мгновение был сшиблен коляской, из которой выскочило несколько молодцов. И не успел мой приятель пикнуть, как они запихали ему кляп в рот. Двое держали перепуганного обер-кондуктора, а третий вытащил из его пиджака кошелек с пятнадцатью рублями и серебряные часы. Затем вскочили в кошёвку— и были таковы. Кошевники – мерзкие воришки. Итак, до вечера. И никаких отказов! Назовём наш вечер встречей старых друзей и новых гостей.

Прощаясь, Яковлев крепко обнял Сидорова, словно они были давно знакомы. Молодой человек пришёл в полную растерянность.

«Вот это люди!» – подумал Григорий, не успев оценить, нравится ему такое положение дел, или нет. Всё произошло как в калейдоскопе: дорожное происшествие, крики-вопли, конфликт, чуть было не переросший в потасовку, и тут же знакомство, рукопожатия, приглашение на ужин и в итоге объятия. Да, сибиряки народ особый.

«Наверное, это нормально. Наверное, здесь так принято», – успокаивал себе Григорий.

И всё же странное знакомство, навязанное ему случаем, было приятно. Он невольно вспомнил историю жизненных случайностей Любаши Подгорбунской. Вспомнил, что и сам оказался здесь по воле случая.

Вывод созрел сам собой: случайности ему до сих пор не мешали, а, наоборот, даже помогали.

Поразмыслив, Сидоров решил пойти на дружескую вечеринку, тем более что первые минуты неловкости пройдут, а дальнейшее общение сулит массу интересного. А не понравится, так побудет часок для приличия и удалится. И потом, знакомства для торгового агента лишними не бывают. Приняв решение, Григорий с лёгким сердцем отправился знакомиться с городом.

Он прошёл мимо кирпичи, мимо великолепного здания драматического театра, краеведческого музея и библиотеки Русского географического общества и оказался на набережной у памятника императору Александру III. К полудню туман с Ангары словно уплыл вниз по течению. Григорий застал лишь его расплывшийся хвост у левого берега. В остатках тумана раздавались резвые трели железнодорожного хозяйства, оттуда же, видимо, несло паровозным дымом, который ветром, а может быть и туманом, забрасывало на правый берег.

По мере того как туман уплывал, очищалось и пространство. Сияла река. Великолепная чугунная ограда обрамляла памятник. Особая гармония была присуща обыкновенным столбам-фонарям и даже полицейской будке. Всё, до чего дотрагивался щедрый солнечный луч, оживало, казалось свежим и блестящим.

Установленная лицом на восток, статуя царя возвышалась на солидном постаменте. В форме казачьего войска памятник монарху поставили в знак уважения и признательности за Транссибирскую магистраль, проект которой он подписал, начал воплощать и тем самым окончательно утвердил деятельное присутствие Российской империи на Дальнем Востоке.

Григорий впервые видел памятник царю. Он долго бродил вокруг него, наслаждаясь утренним спокойствием разбитого здесь сада.

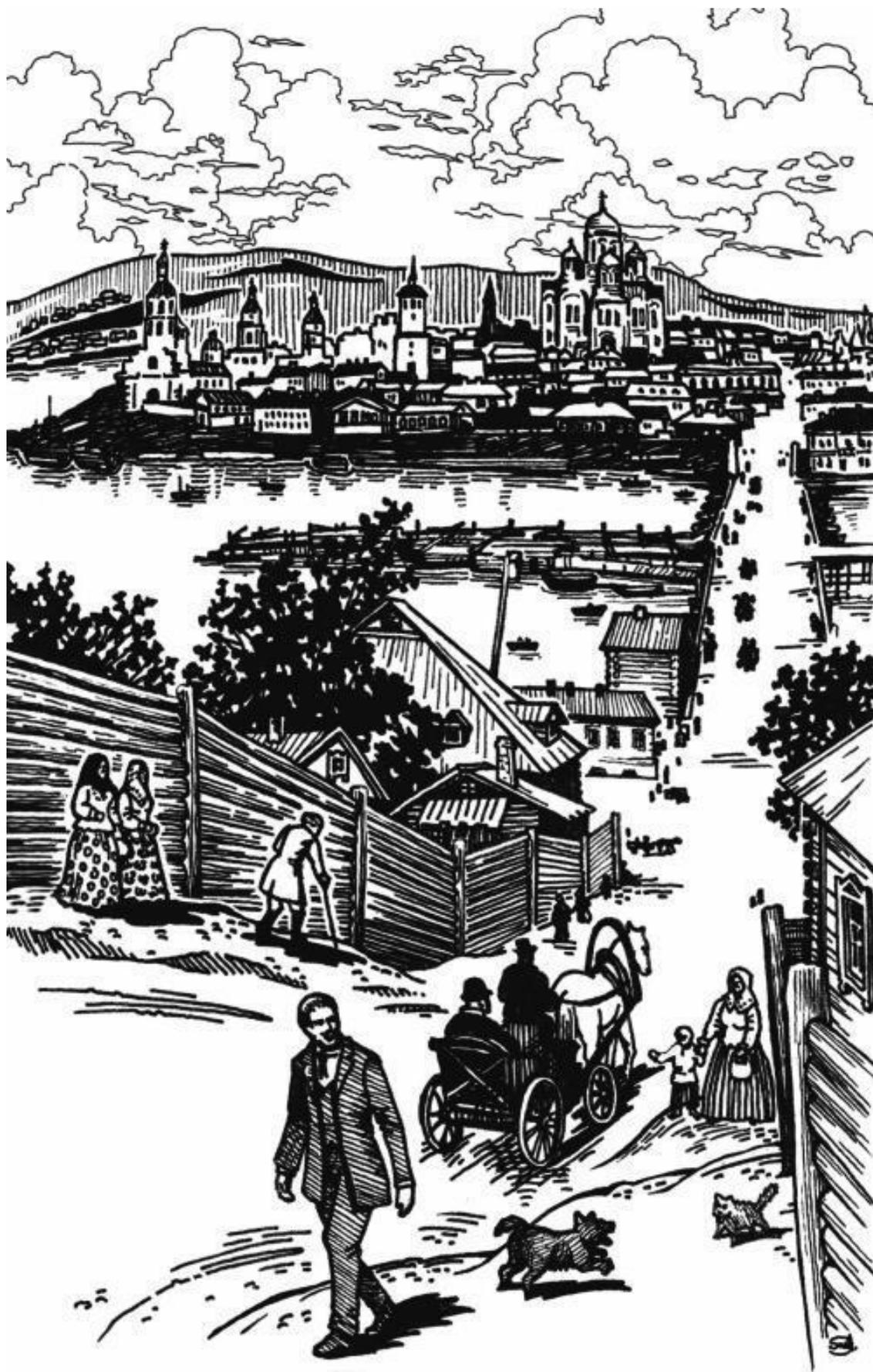
Он наблюдал смену караула у резиденции генерал-губернатора, расположенной неподалеку. По едва заметной тропинке спустился к самой воде и, как мальчишка, кидая в воду плоскую гальку, высчитывая количество подскоков. Под ярким утренним светом можно было рассмотреть каждый камешек на дне реки. Ангара была необычайной голубизны, без малейшей морщинки волн. Неторопливо и даже как-то лениво неслась она за сотни километров – к Енисею.

Григорий ещё долго бродил по Иркутску, любуясь его красотами, и в один момент почувствовал, что наступило облегчение от дум, от дорожной усталости, от всего-всего. Такое бывает после короткого ливня в знойный день, когда воздух напоен озоном и запахом зелени. На душе стало покойно и светло.

Он брёл по набережной в сторону понтонного моста, который соединял оба берега. Вверх по Ангаре шли суда с прямоугольными бортами, похожие на большие утюги из дерева, груженные с верхом; вниз по течению «прочапали», молотя колёсами, паровые корабли. На берегу он заметил целую вереницу деревянных складов, штабелей из леса. Река жила. Сидоров поймал себя на мысли, что всё увиденное ему нравится, что он мог бы, сложись так обстоятельства, тоже работать на этой чудесной реке и жить в этом солнечном широком городе.

А вот и понтонный мост. По нему шли люди, сновали экипажи. Пройдя по Нижней Набережной, Григорий увидел купола трёх храмов – Спасской церкви, Богоявленского и Казанского соборов. Молодой человек перекрестился и поклонился иркутским святыням.

Так гулял он ещё довольно долго, предоставленный сам себе. Постоял перед шпилем польского костёла, осмотрел здание промышленного училища, на Тихвинской площади, потолкался среди многочисленных торговых лавок и по Амурской вновь вышел к «Гранд-Отелю». Приближалось назначенное время ужина. Григорий поднялся в номер, чтобы привести себя в порядок.

Только он раскрыл саквояж, намереваясь достать чистую сорочку, как в дверь постучали.
– Войдите!

В комнату вошёл человек в светлом, отлично сшитом костюме. Его располагающее лицо сияло доброжелательностью.

– Хотел представиться лично: Леонид Петрович Дементьев, поверенный Торгового дома Трапани в Иркутске.

– Очень рад. Осведомлён о вашей поистине успешной работе. Григорий Матвеевич Сидоров, главный агент северных направлений Торгового дома Трапани в Одессе, к вашим услугам.

– О вас мне тоже многое известно. Задолго до приезда общались по телефону с самим господином Трапани. Он считает вашу поездку наиважнейшим делом! Надеюсь, обошлось без неприятных приключений.

– Спасибо, всё было просто чудесно. Вам ведь известны мои намерения?

– Цель вашего приезда мне известна. Конечно, в одиночку совершить подобное предприятие немислимо, чистое безумие. Надо знать здешние дороги! И потом, это даже не сельские тракты, а настоящая сибирская тайга. А вы, насколько я понял, опыта таких путешествий не имеете.

– Точно, не имею. Но господин Трапани возлагает на меня надежды в этом деле.

– В таком случае вам нет смысла сидеть в Иркутске. Нужно заручиться поддержкой опытных людей, а ещё лучше стать участником одной из экспедиций, которые организуются у нас во множестве. Почитаешь наши местные газеты, и невозможно не удивиться тому, что каждый день из Иркутска уходят следопыты. Да вот, пожалуйста, наметни в одной из городских газет промелькнула заметка о предстоящей экспедиции на Подкаменную Тунгуску. Организатор – енисейский приказчик Катаев. Я по роду деятельности нашего торгового дома имел косвенное отношение к внутренним перевозкам по Енисею и слышал о Катаеве отменные характеристики. Рекомендую вам присоединиться к его предприятию. Вы берёте на счёт компании часть расходов по экспедиции, а Катаев берёт вас. Даю голову на отсечение, с деньгами у него туговато. Хотя лично я с ним не знаком, но, думаю, затруднений вы не встретите.

– Но вы говорите следопыт, приказчик, а насколько он знающий человек?

– Весьма знающий. Катаев приехал за консультацией в Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества. Я всё выяснил. Был у Иван Ивановича Попова, владельца «Восточного обозрения», побывал и у правителя дел нашего географического отдела Дмитрия Александровича Клеменца. Город, знаете ли, маленький, все друг с другом знакомы. Не скажу, что приятельствую с Поповым и Клеменцем, но здороваемся за руку. Так вот, они одобрили катаевский план. И если вам, Григорий Матвеевич, будет это по душе, я немедленно свяжусь с Катаевым и сегодня же условлюсь о деловом разговоре, а то неровен час уедет в Енисейск...

– Очень славно всё, что вы предлагаете. Какой у вас чудесный народ в городе. Я сегодня чуть было не попал под колеса авто, устроил, можно сказать, дорожное происшествие, а меня за это на ужин пригласили! Удивительно! А теперь вот вы приходите с готовым планом действий. Иркутску браво! С Катаевым же поскорее свяжитесь. Я планов своих скрывать не буду. Постараюсь стать полезным участником столь серьёзного путешествия.

– Назначим встречу в библиотеке краеведческого музея, если не возражаете.

– Это, пожалуй, хорошо. И ещё одна просьба: телеграфируйте в Одессу о моем благополучном прибытии в Иркутск и о нашем разговоре.

Когда Дементьев, этот очередной подарок судьбы, в один миг разрешивший остатки сомнений, покинул номер, Григорий подошёл к окну. Он долго смотрел на город, где у него всё так замечательно складывалось.

...Иркутск относился к тем русским городам, что вырастали из острогов, поставленных землепроходцами. Эти старые сибирские города очень похожи и в то же время совсем не похожи друг на друга. Уютные, с множеством зелёных уголков – скверов и парков, зачастую естественных, сотворенных без помощи человека, с маленькими и большими площадями, с

громадными соборами в центре и двумя-тремя десятками изумительных каменных строений. Улицы аккуратно выложены лиственничными плахами, тротуары для удобства пешеходов сделаны из досок. Город уже опутан паутиной телеграфных и электрических проводов. Кроме привычных пролёток и карет на улицах замечены велосипеды и автомобили. И уже нет никакой сенсаций, когда афишные тумбы сообщают о гастролях всемирно известных артистов и музыкантов, о визитах знаменитых ученых и путешественников, увенчанных славой. Таков Иркутск.

Историческое отступление

Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию

По рукописи Михаила Ломоносова, русского академика, путешественника и литератора

Глава четвертая

О ПРИУГОТОВЛЕНИИ К МОРЕПЛАВАНИЮ СИБИРСКИМ ОКЕАНОМ

Приуговорясь к сему важному предприятию, должно рассуждать четыре главные вещи особливо: 1) суда, 2) людей, 3) запас, 4) инструменты.

В судах требуется. Чтобы они были невелики, легки, крепки, поворотливы, притом не совсем новы, для того чтобы оных в ходу удобность и свойства несколько искусством извещаны были, что в одно лето освидетельствовано может: и для того можно к сему выбрать и купить из готовых купецких и промышленных судов у Архангельского порта. Такие суда кажутся потому быть довольны, что артиллерийский снаряд в сём предприятии не нужен, кроме сигнальных небольших пушек.

Главных судов число больше трёх не нужно: одно больше двух прочих для главной команды да два легче и меньше для рассылки с главного пути в сторону для наблюдения земель, льдов и других обстоятельств. Суда обшить должно досками против льдов, как обороняются в Индии от червей.

Кроме ботов и шлюпок, на каждом судне должно быть по два или по три торосовых карбаса, какие на Белом море при ловле тюленей промышленники употребляют и на них далеке от берегов по льду и по воде ходят, затем что для лёгкости волочить их весьма удобно. Для запаса и для укромности можно заготовленные к тому доски положить в интрюме и в случае нужды, ежели другие потеряются. Новые вскоре шить и употреблять способно будет.

Правление сего мореплавания поручить офицеру от флота искусному, бывалому, особливо в Северном море, у которого есть осторожная смелость и благородное честолюбие. Ему подчинить по пропорции всей команды офицеров и унтер-офицеров, а особливо штурманов, также и гардемарин, из которых было бы на всяком судне по два или по три человека, знающих брать астрономические наблюдения для длины и ширины, в чём их свидетельствовать в Морском кадетском корпусе и в Академии наук.

Сверх надлежащего числа матросов и солдат взять на каждое судно около десяти человек лучших торосовщиков из города Архангельска, с Мезени и из других мест поморских, которые для ловли тюленей на торос ходят. Употребляя помянутые торосовые карбаски или лодки по воде греблю, а по льду тягою, а особливо которые бывали в зимовьях и в заносах и привыкли терпеть стужу и нужду. Притом в таких иметь, которые мастера ходить на лыжах, бывали на Новой Земле и лавливали зимою белых медведей.

Наконец, взять два или три человека знающих языки тех народов, которые живут по восточно-северным берегам сибирским, а особливо умеющих язык чукотский. При сем всем смотреть сколько можно, чтобы выбирать людей, которые бы мало причины имели назад оглядываться и попечение иметь об оставшихся домашних.

Хотя всего путешествия успехов ожидать должно от людей бывалых, знающих мореплавание, мужественных. Терпеливых и в своем предприятии непоколебимых, однако и бессловесные животные в том помочь дать могут, что примерами доказать можно. Между прочими, следующий примечания достоин. Некто морской разбойник, родом норвежанин, именем

Флокко, желая сыскать Исландию, пустился от Аркадских островов в море. При отъезде взял три ворона. И когда он в значительном расстоянии отошёл от берегу, то пустил одного на волю, который тотчас полетел к Аркадским островам обратно и тем показал, что они ещё от оных не так далеки, как казалось. Продолжив несколько времени своё плавание, пустил на волю другого, который, полетав кругом немало времени, к судну возвратился, затем, что кроме оного не нашёл к успокоению места; по несколько времени выпуском третьего ворона был счастливее, затем что он увидел Исландию, полетел прямо к оной и дал повод себе последовать и открыть землю, для которой Флокко в море пустился.

По сему примеру не почитаю излишним делом, чтобы взять на всякое главное судно по несколько птиц хищных, которые к плаванью на воде неспособны. А к подобному опыту служить могут и близость льдов показывать.

Что до запаса надлежит, о том пространно не представляю, затем что морские люди довольно ведают, что им на такой путь надобно; три только вещи упоминаю: 1) чтобы иметь с собою сети, уды, ярусы. Рогатины для ловли рыб и зверей, которые сами в пищу, а жир в нужном случае вместо свеч и дров служить могут; 2) чтобы запастись противоцинготными лекарствами: сосновою водкою, сосновыми шишками, шагрю, морошкою и прочими сверх того из аптеки; 3) чтобы запаса было по малой мере на три года и чем больше, тем лучше.

Инструменты требуются: 1) для наблюдений астрономических. К познанию долготы и широты служащих, 2) для исследования долготы и широты в море без помощи астрономических наблюдений, 3) для других действий в плаваньи по неизвестным морям нужных.

...Для определения долготы и широты на море в ясную и в мрачную погоду показаны способы в изданном мною «Рассуждении» о точнейшем пути на море; однако ещё лучшие имею после того изобретённые, особливо для северного мореплавания, которые могу объявить, когда оное действительно предпринять за благо рассуждено будет.

Для показания времени всего способнее и вернее иметь на каждом судне по несколько часов карманных с секундами, чрез довольно время в исправности испытанных, которые содержать должно в равном градусе теплоты, сколько можно; удобнее всех место им в интрюме, о середине корабля, где от морской воды градус теплоты постоянен и движение корабля всё меньше. Для удобного содержания и внимания к наблюдениям должно сделать особливый, пристойный к тому ящик.

Для общего показания пути должно дать на каждое судно по карте, вновь сочинённой по самым лучшим известиям. Которая должна иметь в центре полюс.

Вода морская тем солонее, чем далее от берегов. Чем ближе, тем свежее. А особливо где втекают в море немалые реки. Для исследования разной солоности воды морской надлежит иметь ареометр.

Каковые употребляются при солеварнях для проб рассольных.

Плавающим по ледовитому морю приключается, что запирают их окружившие льды: как сперва малая льдина ход затворит и, пока оную отводит стараются, между тем другие большие и большие поспевают и выход совсем пресекают. Для скорейшего и сильнейшего разбивания льда, уповаю я, что весьма служить будет порох таким образом, как рассекаются в рудокопных ямах каменные горы. Того ради должно на всяком судне иметь буравы, подобные горным, чем бы лёд просверливать. Сия работа весьма будет происходить скоро, ежели буравы употребляться к тому горячие или раскалённые (для всегдашней готовности должны они всегда лежать на очаге острыми концами к огню), а в проверченные на льду дыры всунуты будут готовые к тому патроны с фитилями, охранённые от мокроты смолою.

Выше сего первый возможный ход представлен около северо-восточного мысу Новая Земля; для того должно употребить следующую предосторожность ради безопасности и прибежища северных мореплавателей. Около оного мысу, близ восточного поворота, в удобной пристани, где пресною водою нескучно, построить должно зимовье из нескольких изб с

надлежащими хлебными печами, окончинами и ставнями, с сеньми и с двором и оные обшить досками; при том амбар для содержания провианта и других потребностей, также и баню, коя для наших людей весьма здорова, которое отвезти туда сзаранья на передовых судах. Также удовольствовать всяким провиантом на два года. Кроме того, который пошлётся на судах в приемлемую дорогу. Таковое предуготовление несравненно лучше будет, нежели бедное зимованье голландцев... И как они могли вытерпеть всякие неудобности и недостатки, то наши северные люди в лучших несравненно обстоятельствах легко зимовать могут».

Глава четвертая

Английский интерес

«Столичные газеты продолжают критиковать заявление нижегородских торговцев, ополчившихся против иностранной торговли. Чтобы успокоить окончательно нижегородские страхи насчёт иностранной торговли и показать, во что обходится транзитная торговля в Сибири при нынешних путях сообщения, приведём следующий яркий факт, заявленный г. Левитовым в его докладе о новых водяных путях... Года полтора назад компания «Немчинов, Базанов, Сибиряков и Ко» заказала в Англии у «Маршалл, сын и Ко» сильный лакомобиль с расширением пара, водонагревателем и двумя цилиндрами для своих золотых приисков. По счёту Маршалла за этот лакомобиль со всеми принадлежностями компания уплатила на месте, в Англии, 9500 рублей серебром. Провоз же лакомобиля обошелся в 43 820 рублей. Один уже этот факт очень ярко обрисовывает настоящее положение путей сообщения в Сибири, благодаря которым за морем телушка стоит полушку, да перевозу рубль; кажется, достаточное успокоение, что никакой иностранный товар до нас не доберётся».
«Восточное обозрение», 1888.

Редакция газеты «Восточное обозрение» располагалась на Спасо-Лютеранской улице в большом, приземистом одноэтажном строении. Здесь же были типография и переплётная мастерская. В эти утренние часы у здания наблюдалось оживление. Степенно входили и выходили посетители, влетали и вылетали, как бойкие воробьи, продавцы прессы, выбегали репортеры, на ходу высматривая экипаж. Лучшая сибирская газета делала новости.

В уютном кабинете бросалось в глаза множество цветов и деревьев в кадках. Редакторский стол отражал главное занятие и увлечение хозяина – был завален типографскими оттисками завтрашнего номера, стопки книг по бокам столешницы сужали и без того небольшое рабочее пространство. Посередине кабинета находился ещё один стол – круглый, с двумя креслами. За ним устроились издатель и редактор Иван Иванович Попов и правитель дел Восточно-Сибирского географического общества Дмитрий Александрович Клеменц. Оба были явно расстроены. Чай в чашках давно остыл, печенье на блюде оставалось нетронутым. Говорили мужчины тихо.

– Ну вот, среди белого дня убили фабриканта Перевалова, владельца Хайтинского фарфорового завода. Убили практически рядом с предприятием. Он не доехал до ворот каких-то две с половиной версты. И преступников, конечно, опять не найдут.

– Человеческую жизнь любую жаль, а Перевалова не только жалеть, но и вспоминать будут долго. Уж очень он о работниках радел. Подумайте только, на похороны пришло больше тысячи человек. Я знаю, многие фабриканты его осуждали: зачем, мол, сократил рабочий день, зачем праздничные отдыхи ввел, оклады и жалованье повысил, да и наличными платил. Другие-то своих рабочих заставляли половину жалованья в заводских магазинах и лавках оставлять... А штрафы! Он ведь и штрафы фактически отменил. И вот что забавно, те, кто утверждал, что при таком ведении дела фабрика разорится, оказались посрамлены! Наоборот, доходов становилось всё больше.

– Мне рассказывали, что практически были готовы проекты больницы, школы, новой церкви на каменном фундаменте. И тут такая нелепая смерть!

– А каковы подробности, Иван Иванович?

– Ехал с дочерью нижней дорогой по берегу реки Белой. Из-под обрыва раздались выстрелы. Вначале по кучеру, потом по Перевалову. Кучер и дочь сумели убежать, а Перевалову пуля в спину вошла. Дочь встретила пастухов, умоляла их помочь. Но те испугались и сами в бега. Когда кучер до завода добрался, рабочие бросились на выручку. А урядник-то каков! Нет чтобы сразу погоню организовать, так начал покойного обыскивать. Уйму времени потеряли. В общем, пока расследование ничем не закончилось. Жаль, современный был заводчик, прогрессивный. Слышал я, преемники уже экономить начали: охрану усилили, а вот содержание учителям уменьшили, столовую для рабочих упразднили. Вот и результат: забастовки себя ждать не заставили, завод уже несколько раз останавливался...

Раздался осторожный стук. Дверь в кабинет приоткрылась, появился типографский курьер, по совместительству корреспондент библиографического отдела.

– Иван Иванович, дыра-с...

– Дыра, говоришь? Вроде не было пробелов! Не иначе цензура проснулась. Сейчас попробую отгадать, чего они там вымарали. Поди, стачка виноторговцев не пришлась...

– Как есть, Иван Иванович, дыра со стачку виноторговцев. Пожалуйте сто пятьдесят строчек на замену. Срочно надо бы, график к черту, типография волнуется, тираж утренний не «посадить» бы. И как вам удается всегда отгадывать, куда цензор чернил плеснёт?

Все дружно засмеялись.

– Совсем не трудно, Пантелеймон Сергеевич. Это ж надо в стачке виноторговцев усмотреть государственную крамолу! Может, не разобрались, что к чему, может, при слове «стачка» у цензора автоматически перо заработало? Нет, ты только представь себе, Дмитрий Александрович, как хитро торгаши с зельем придумали!

Сговорились не отпускать вино по установленным ценам. Они, видите ли, в убытках. И, в конце концов, договорились о стачке.

Клеменц взял у курьера гранку и быстро пробежал её.

– Ну, не знаю, что тут цензурировать понадобилось. На Западе рабочие бастуют, требуют повысить оплату труда, улучшить условия работы. Это стачка. Надобно при случае с цензурой объясниться, эдак завтра про грозу, что нарушит выезд губернатора, запретят думать.

Попов развёл руками.

– Пантелеймон Сергеевич, возьми, голубчик, на замену материал от «Енисейца». Доставлен с оказией Катаевым. Послушайте, Дмитрий Александрович, интересная заметка.

«Из Красноярска выехал Джозеф Виггинс с директором английского торгового дома Генри Нортонем Сюлливаном и экипажем «Феникса».

Англичане уехали на сибирских тройках. Пароход «Феникс» оставлен в Енисее до следующей навигации. Привезённые образцы английских товаров все распроданы, и англичане довольны удачей. От енисейского и красноярского купечества компания «Феникс» получила значительные заказы товаров; они собираются на следующее лето привести в устье Енисея большой корабль с английскими товарами и громадную по величине баржу, которая строится в Енисейске».

Клеменц слушал очень внимательно.

– А где же господин, доставивший корреспонденцию?

– Обещал зайти позже.

– Очень прошу тебя, голубчик, попроси его заглянуть в библиотеку ВСОРГО, очень интересно пообщаться с енисейским человеком, заодно в подробностях узнать, что там ещё задумали англичане. Раздухарились, смотрю, не на шутку! Прут во все тяжкие!

Попов отдал заметку курьеру.

– Ставьте в номер. Повода усомниться в достоверности корреспонденций «Енисейца» у нас ещё не было... А помнишь, Дмитрий Александрович, наш разговор тогда в Минусинске

про северные пути? Оба мы правы оказались. Наше бездействие обернётся английским началом.

– Или продолжением, – уточнил Клеменц. – Россия через Сибирь устанавливает контакт с Европой. Кто же спорит, это прекрасно, но меня больше волнует, почему наши корабли практически не заходят в Карское море по сибирским рекам и наоборот. А ведь без освоения этих путей сибирские товары вряд ли попадут в Англию, Францию и Америку.

– А между прочим, – Попов многозначительно улыбнулся. . . – первый пароход на Енисее появился почти сорок лет тому назад. Построил его крестьянин-самоучка Худяков. Собрать бы эту силушку наших самоучек воедино, открыть бы университеты, получить от казны средства на оборудование. . . Вот тогда бы однозначно мы первенствовали на всех морях и путях сибирских.

Клеменц усмехнулся.

– Вы на Восток взгляните, дорогой Иван Иванович. Уж на что Монголия наш ближайший сосед, да и Китай, держава великая, а торговлишка и то мелочная. Тарбаганьи шкурки везём, да чай, слава Богу, гоняем. А вы хотите тягаться с английским и французским фабрикантом! Поневоле начнёшь задумываться о капитализме.

– Рано или поздно, но тягаться будем. Однако если правительство посмотрит на Сибирь правильным взглядом, то уже сейчас можно сделать немало. А до той поры, пока на Сибирь будут смотреть как на колонию, вывозить лучшие умы в столичные университеты и сырьё для фабриканта центральной полосы, а взамен набивать тюрьмы арестантами, мы так и будем краем державы, краем, жаждущим света и порядка. Я, Дмитрий Александрович, против Виггинса ничего не имею! Двенадцать переходов через Карское море – дело не шуточное, мужества и отваге команде «Феникса» не занимать. Но и нам самим надобно осваивать сибирские пути. Неужели история так ничему нас и не научит? Займу-ка немного ваше внимание. . .

Попов подошёл к высокому стеллажу с книгами и достал потрепанный переплёт.

– Я вам прочту отрывочки из любопытнейших документов прошлого века. Если заинтересуетесь, дам «на вынос». Итак, послание графа Букингемского к почтенному графу Галифаксу, датированное 14 марта 1763 года.

«...Я слышал также, что Её Императорское Высочество обращает большое внимание на усиление мореплавания в России; но отвращение народа от моря, немногочисленность искусных моряков, и, в случае даже если бы их оказалось достаточное количество, невозможность употреблять их в продолжение полу года (что неизбежно должно отозваться на жалованье, подняв его до громадных размеров): всё это вместе взятое составит непреодолимую преграду, вследствие которой все попытки правительства окажутся безуспешными.

Непосвящённые нации, так же как необразованные люди, всегда подозрительны. Русские воображают, что все иностранцы, особенно англичане (о сведениях и способностях которых по части торговли они имеют самое высокое понятие) преследуют какие-либо тайные цели при всяком своём предложении...»

А вот, другое послание, которое появилось спустя семь лет. Это лорд Каскарт графу Рошфору отписывает:

«Что же касается статьи о кораблях, то считаю своим долгом заметить, что в настоящую минуту ничего не занимает до такой степени мысли Императрицы, служа в то же время выражением желания нации, как стремление довести до значительных размеров морские силы России. Это может быть выполнимо лишь с помощью и содействием Англии, и никак иначе. Но невозможно, чтобы Россия стала соперницей, способной внушить нам зависть, ни как торговая, ни как военная морская держава. По этой причине я всегда рассматривал подобные виды России весьма для нас счастливыми, ибо до тех пор, пока это будет выполнено, она должна зависеть от нас и держаться за нас. В случае её успеха это только увеличит нашу силу, а в случае неуспеха мы утратим лишь то, чего не могли иметь».

Вот так «по-особенному» все хотят помогать нам. Истинное желание, думаю, не изменилось и к сегодняшнему дню. Они хотят видеть отсталой не только Сибирь, но и всю Россию. Чем мы можем ответить англичанам?

– Ив самом деле, чем?

– Ну разве что Трапезниковскими начинаниями...

– Милейший Дмитрий Александрович, вы не хуже моего знаете, что отправленные в 1878 году трапезниковские «Сибирь» и «Луиза» – капля в море. «Луиза» погибла. Это как раз то, о чём писал лорд Каскарт.

– Но «Сибирь» всё-таки зашла в лондонскую гавань.

– А что потом?

– Надо справиться, всех подробностей я не знаю.

– И не трудитесь, уж поверьте мне. Всё это единичные поступки. Нет твёрдой руки государства, воли министров и необходимых средств. Давайте, Дмитрий Александрович, поразмышляем. В чём видели свою главную задачу все торговые морские экспедиции в Сибирь?

– В первую очередь, возможно, проложить безопасный путь для последующих плаваний.

– Вот именно, дорогой вы мой человек. Только одно важное уточнение. Искали не только самый безопасный путь, но и самый дешёвый. Датский корабль «Нептун» заходил в Обь, сюда же прибыл английский «Оксфорд» из Ливерпуля. В 1868 году, если мне не изменяет память, компания гамбургских коммерсантов предложила устроить на Ангаре пароходство с устройством дороги от Енисейска до реки Кеми. Что всё это значит?

Попов замолчал, словно перебирая в голове какие-то факты.

– А это значит, – продолжил он, – что иностранцы всеми возможными способами хотят закрепиться на наших реках. Понимают, как это выгодно для торговли и политического влияния. И потом, развитие торговли практикующимися способами – это же варварство и притеснение коренного населения. Правительство по-прежнему смотрит на Сибирь, как на именитый пирог. И едоков предостаточно...

В дверь редакторского кабинета снова постучали.

– Заходите, мы в свободной дискуссии, – пригласил Попов вошедшего мужчину лет за тридцать, высокого, смугловатого.

В глаза бросалось отменное телосложение гостя, которое не скрывала простая одежда – тёмная косоворотка, тёмный же пиджак, простые сапоги. Глубоко посаженные глаза светились, заметно выдававшийся подбородок, обрамлённый бородой, придавал лицу твёрдость. С первого взгляда было понятно, что в редакцию пожаловала натура неординарная.

– Разрешите представиться, Катаев Николай Миронович. Состою на службе у енисейского купца первой гильдии Базилевского.

– А, Николай Миронович, здравствуйте, здравствуйте дорогой! Спасибо за корреспонденцию. Очень кстати она нам пришлась, – поблагодарил гостя Попов.

– Знакомьтесь, Дмитрий Александрович Клеменц, правитель дел ВСОРГО. Он очень хотел с вами познакомиться... В Иркутске по службе?

– Отчасти. Простите, господа, если оторвал вас от важной беседы, но тоже давно хотел познакомиться. Вашу книгу, Дмитрий Александрович, о минусинских древностях – держу в своей небольшой библиотеке как драгоценный экземпляр. И многие статьи ваши читал. Написаны доходчиво и занимательно.

– Спасибо, спасибо Николай Миронович. Очень хорошо, что так всё сложилось. Можно сказать, очное знакомство состоялось. Я и сам хотел поговорить, полюбопытствовать, что в Енисейской губернии интересного?

– Боюсь, коротким ответом по такому вопросу не обойтись, а у меня дело к вам, господа, важное. Советы известных исследователей Сибири и Монголии мне бы чрезвычайно пригодились.

– Полноте, Николай Миронович. Мне, вот, перед Клеменцем стыдно. Это он путешественник и естествоиспытатель, а я так, любитель. Ну-с, выкладывайте, что за печаль?

– Год назад после разговора с путешественником Чекановским я предпринял экскурсию на Хатангу. Целей особых, представьте себе, не ставил. Хотел выяснить возможности перехода по реке торговых судов. И вот теперь, собравшись в поездку от верховья Подкаменной Тунгуски к Енисею, задумал работать по специальной программе. Буду просить вашей помощи в её составлении, так что заранее простите великодушно, если отрываю вас от дел больших.

– Господи, уважаемый, ну какие такие прощения! С этим задержек не станет. И я, и Дмитрий Александрович, – Клеменц молча кивнул, – будем рады поспособствовать чем можем.

Клеменц поднялся с кресла и подошёл к окну.

– А вам, сударь, известно, что карта этого района очень плохая? Фарватер Подкаменной вовсе не исследован. И что бы мы ни присоветовали, а придётся идти на ощупь, на глазок. Слыхал я от охотников и золотос-плавщиков, что на Подкаменной шивера и щёки чередой идут, опасно. С какой целью в такое путешествие отправляетесь? Стоит ли того?

– Пойдём осторожно, без спешки. Сын со мной идёт, так что рисковать безоглядно не стану. Не подумайте, что интерес у меня чисто по торговой части. У Базилевского расчёт беру. Часть средств из имеющихся накоплений использую, в недостающем, надеюсь, енисейские купцы не откажут. Главное, что волнует меня, так это смутные слухи о Подкаменной и её обитателях. Такое о тунгусах и кето рассказывают, что в дрожь кидает. Будто людоеды! Ну разве ж может такое стать! Я многих тунгусов и кето знаю лично. Встречались не раз. В тайге всякое бывало. И всегда однозначное мнение о лесных людях – доверчивые и симпатичные охотники. Страшно подумать, что говорят! И есть у меня подозрение, что под такие разговоры хотят их с земли, что испокон веков у них в охотничьих угодьях, согнать. Слухи пошли, дескать, золото нашли на Подкаменной! Вот и думаю, что беспокойно там.

Клеменц и Попов переглянулись.

– Дмитрий Александрович, ты что-нибудь про золото слыхал?

Попов поднялся с кресла и пересел за стол.

– Откуда там золото, кто ж его там разведывал? Соболь да белка – вот здешнее золото.

Клеменц недоуменно пожал плечами. О золоте он тоже слышал впервые.

– По этой части, Николай Миронович мы вряд ли сможем что-то дельное подсказать. Не специалисты, да и не бывали лично в тех местах.

– И ещё другое меня мучает, господа хорошие. Всё думаю, а будет ли польза от моей затеи, не отрываю ли понапрасну людей от дел более важных, насущных?

– Нет, вы послушайте, Дмитрий Александрович, о чём печётся наш искатель приключений! Немедленно выбросьте из головы подобные мысли. Вон их, вон совсем. О Подкаменной Тунгуске сведения крайне скудные. А знать, что и как происходит на этой таинственной реке, надо непременно. Эвенки – людоеды?! Смешнее и не придумать. Но если и правда туда капитал намерен прийти – беда будет: землю разворотят, инородцев с охотничьих мест сгонят... Так что идти надо обязательно! «Восточное обозрение» в вашем распоряжении. Увы, матери-

ально помочь редакция не сможет, сами еле-еле концы сводим, а вот поспособствовать словом – всенепреренно. Дмитрий Александрович, чѐм ваш отдел богат?

– Прежде надо покопаться в библиотеке и архиве Географического общества. Наверняка обнаружится что-то интересное и полезное для предстоящего путешествия. Думаю, приборами и инструментами для простейших исследований точно поможем.

– Спасибо, даже и не думал. В конце июня начну сплав по Ангаре до устья Тунгуски. Там пополним запасы продовольствия и дальше в путь. До осени, надеюсь, пройти половину маршрута, затем вернуться к низовью и зимовать. А с началом паводка снова в путь. Попутно осмотрю притоки.

– Ну вот вам и программа! – рассмеялся Попов. – Лучше и не придумаешь. А с местным населением будьте поласковее. Настоящие дети природы. Ни при каких обстоятельствах не давайте своим спутникам применять по отношению к ним силу, обойдитесь без хитрости и обмана. Об оружии я даже не напоминаю. Они, кстати, лучшие проводники в тайге. И всего вам хорошего, от чистого сердца.

Мужчины пожали друг другу руку и Катаев ушёл.

Через некоторое время он навестил Клеменца в его небольшом двухэтажном каменном здании из красного кирпича. Здание было построено в мавританском стиле и сразу бросалось в глаза. Здесь, при Иркутском краеведческом музее, размещался кабинет правителя дел Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества.

Катаев листал книгу, предложенную ему Клеменцем.

– Вот, Дмитрий Александрович, послушайте. Оказывается, первые заполярные плавания по Енисею русские люди совершали, как и англичане, ещё в XVI веке. И даже на несколько лет раньше! Обе страны искали северо-восточный проход – морской путь из Европы в Азию через Ледовитый океан. Другое дело, что аглицкие промышленники и торговцы сорганизовались быстро. Представьте, в 1548 году в королевстве было даже образовано «Общество купцов-предпринимателей для открытия стран, земель, островов, государств и владений, неведомых и даже доселе морским путѐм не посещаемых». А русского мужика им всё-таки не удалось обойти! Мы первые!

А дальше вот что: через пять лет после основания этого общества англичане снарядили в «полуночные» страны первую экспедицию из трёх кораблей под командой Хью Уиллоуби. Главным кормчим стал Ричард Ченслер. Этот Ричард в 1556 году отправил своего штурмана Стивена Барроу в направлении Оби и Енисея. В отчёте Барроу писал: *«Пока мы стояли на этой реке, мы ежедневно видели, как по ней спускалось вниз много русских людей, экипажи которых состояли из 24 человек, доходя на больших до 30»*.

– Николай Миронович, а я для вас загадку приготовил, – Клеменц хитро подмигнул и затеребил длинную седую бороду. – Отчего, несмотря на прибыльность, в 1619 году специальным указом царя Михаила Фѐдоровича морской путь в Мангазею закрылся раз и навсегда? Сейчас, голубчик, проверим вашу теоретическую подготовку...

Катаев рассмеялся.

– Готов, готов экзаменоваться. То ведомо и читано. Во-первых, русские купцы и сибирские воеводы опасались иностранной конкуренции. Потому и писали царю жалобы и доносы. Вот и перекрыли морскую гавань. Но сдаѐтся мне, что правительство заодно и своих торговцев прижать решило. На таком-то удалении от власти научились они ловко избегать уплаты пошлин в государеву казну. М-да... А жаль, исчезла великая златокипящая Мангазея... Но это только половина причины. А вторая половина – река Лена. Разведав Ленские земли, народ, сплаваясь по ней, потянулся к северным морям-океанам. Стало быть, так оказывалось быстрее и безопаснее. Вот и зачахла торговля в северной Мангазее.

– Отличный ответ, на полную пятерку. От себя добавлю, что в который раз Романовы совершили роковую ошибку. Иностранцев с закрытием Мангазейского хода меньше не стало,

а в Сибири исчез целый город, и притом какой! Однако, уважаемый, с литературой вы поработали отменно... Я кое-что тут выписал для вас, может быть, пригодится. Вот бумага с резолюцией распорядительного комитета ВСОРГО. Решено выдать вам два журнала для метеорологических наблюдений, морской компас, два ящика для хранения образцов минералов и растений. А также барометр. Не густо, конечно, но чем смогли.

– Спасибо, Дмитрий Александрович. Необходимое даёте.

– Вы говорите, у вас сегодня здесь встреча, касаемая экспедиции?

– Представьте себе, полнейшая неожиданность. Подкаменной Тунгуской заинтересовался Торговый дом Трапани в Одессе. В Иркутск специально прибыл представитель компании некто Григорий Сидоров. Золотопромышленники заключили за границей долгосрочный контракт на поставку машин и механизмов на прииски. Торговый дом Трапани взялся обеспечить доставку. Большинство приисков расположено в районах Золотой Тайги. Вот сюда и намеревается забраться господин Сидоров, чтобы всё осмотреть. И знаете, молодой симпатичный человек. При первой встрече он пришёлся мне по душе. Не чванлив, приятен в разговоре. Да и физически, судя по всему, подготовлен. Прямо сказал, чем может быть полезен, а чего делать не умеет. Словом, я склоняюсь привлечь его в экспедицию. В подобных делах он никогда не участвовал, тайга для него в новинку, если отправится один или с людьми неопытными, то можно предположить самое печальное. Так что греха на душу не возьму, пусть лучше идёт со мной. Сегодня обговорим с ним детали и участие торгового дома в подготовке нашего путешествия.

– Да и то верно. Берите, помехой не будет, а помощники в тайге всегда нужны. Тем более берите, если Трапани покроет часть работ. На подобные контакты следует идти. Наши научные общества, к сожалению, не богаты. Одна надежда на меценатов и собственную удачу!

Катаев, прощаясь, встал.

– Ещё раз благодарю вас за сочувствие и поддержку. Дмитрий Александрович, надумаете в наши края – дайте только знать, сам проводником стану!

Историческое отступление Джозеф Виггинс

В котором рассказывается о замечательном английском капитане, одним из первых доказавшем возможность плавания по северным сибирским рекам через Карское море

В 1832 году в английском городе Ньюкасле родился Иосиф (Джозеф) Виггинс, выдающийся английский мореплаватель. В молодости он был шахтером и только в 30 лет стал моряком торгового флота. Современники рисуют нам образ неустрашимого, энергичного и волевого человека, который поражал своим бесстрашием и практичностью. Хотя, говорят, он был среднего роста и хрупкого сложения. На родине его называли современным капитаном Куком. Став моряком достаточно поздно, Виггинс быстро получил сертификат капитана торгового флота, а многочисленные рейсы позволили ему приобрести бесценный опыт плавания как под парусами, так и на современных ему паровых судах. В 1871 году Виггинс становится членом Королевского географического общества.

Англичанина тянуло в Сибирь так же, как Михаила Сидорова к северным морям. Виггинс справедливо считал Сибирь богатейшей землей и долгие годы готовился к путешествию. Начиная с 1870 года, он 20 лет раз за разом, навигацию за навигацией, совершал успешные плавания через Карское море, обеспечивая доставку сибирских товаров в Англию и английских в Россию. Между прочим, возможность таких плаваний отрицалась многими.

Первое путешествие Виггинса относится к 1874 году. Пятью годами раньше русским миллионером Михаилом Сидоровым был объявлен приз для капитана корабля, который пройдет Карские Ворота и войдет в устье Обской губы. Призовой фонд конкурса составил ни много ни мало 2000 фунтов стерлингов. Географическое и Вольное экономическое общество взять на себя организацию конкурса отказались. Вице-президент Русского географического общества и почетный член Вольного экономического общества Ф.П. Литке был убежден, что морским путем к устьям сибирских рек не пройти из-за огромного скопления льда. И в 1869 году Сидоров с помощью германского географа Петермана дал объявление о премии в заграничном журнале. Так о ней узнали во всем мире.

В конце мая 1874 года из шотландского городка Данди вышел пароход «Диана», которым командовал Джозеф Виггинс. В конце июня он достиг Карских Ворот и 5 августа вошел в устье Оби.

«Диана» дошла до устья Енисея и возвратилась в норвежский город Хаммерфест. Следовательно, Виггинс на паровом судне впервые совершил успешное плавание по Карскому морю. В Енисейском заливе экспедиция англичан открыла остров, который получил имя А.И. Вилькицкого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.